

ЛОЖЬ И ПРАВДА ОБ ОТРЕЧЕНИИ НИКОЛАЯ II

M.M. Safonov. Lies and Truth about the Abdication of Nicholas the 2nd. Within this article one more attempt is made to depict the events of the last days before the abdication of Nicholas the 2nd not as the reign of chaos, but as the struggle of interests of various factions and personalities, who were trying to derive the maximum benefit for themselves from an acute political crisis. Some conjectures by the author are hypothetical and rather controversial.

В 14 часов 47 минут 2 марта 1917 г. от перрона Варшавского вокзала отправился экстренный поезд на Псков. К паровозу был прицеплен всего один вагон-салон. В нем ехали два человека: А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Гучков, бывший председатель Государственной думы, был известен как личный враг Николая II и царской семьи. Шульгин слыл ярым монархистом, но именно «слыл», потому что сказать определенно, кем был этот человек в тот памятный день, довольно трудно. Свои политические симпатии он менял в зависимости от особенностей переживаемого момента. События же развивались с такой быстротой, что ситуация менялась не по дням, а по часам.

Никто из историков никогда не ставил вопроса о цели этой поездки. Да и зачем было его ставить. Вернувшись из Пскова, экстренный поезд привез в Петроград акт об отречении Николая II от престола. И Шульгин, и Гучков по возвращении подробнейшим образом описали, как это произошло. Всю последующую жизнь они отстаивали свою версию произошедшего в Пскове. Впрочем, «отстаивали» — не то слово. Ведь всерьез никто и не ставил под сомнение то, что они рассказывали. Поэтому правильнее было бы сказать — «развивали и обосновывали» то, что рассказывали по возвращении.

Гучков утверждал, что хотел ценою добровольного отречения царя от престола спасти Россию от гражданской войны. Шульгин же спасал монархию, спасал жизнь Николая, спасал его семью. Оба спасали, спасали, спасали... но не спасли... Сегодня ни одна книга о Николае II не обходится без сочного описания Шульгина и красочного рассказа Гучкова, как отрекался царь. В связи с 80-летием Февральской революции версия Шульгина — Гучкова была вновь озвучена едва ли не всеми средствами массовой информации. А ведь то, что так охотно и подробно описывали Шульгин и Гучков, было, по мнению автора, тщательно продуманной ложью.

Беспорядки — мятеж — революция

По такому сценарию развивались события в Петрограде в последнюю неделю правления династии Романовых. Был ли это заранее написанный сценарий, или происшедшее явилось следствием стечения случайных обстоятельств?

Когда вечером 26 февраля Николай II в последний раз в качестве самодержца играл в домино, в Могилеве было сыграно всего две партии¹. Игра не шла. Осталось неизвестным, выиграл ли их царь или ушел побежденным. Но партию, которую ему пришлось играть последующие пять дней и ночей, он проиграл вчистую.

Николай II физически сдавал. Утром, в 10 часов, он присутствовал на обедне. Церковь была переполнена. Здесь были генералитет и штабная свита. Прямо в церк-

¹ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. (Далее: Отречение...). С. 33.

ви во время службы царю стало плохо. В груди помазанник почувствовал мучительную боль. Он едва устоял на ногах, лоб покрылся испариной. Потом началось сильное сердцебиение. Так продолжалось четверть часа. Царь опустился на колени перед образом. Все сразу прошло.

В то утро его жена, императрица Александра Федоровна, тоже стояла на коленях, но не перед образом, а на могиле их «друга» — Григория Распутина в Царском Селе. «Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир», — писала она мужу².

Наследник, царевич Алексей, которого Александра на английский манер называла «Бэйби», болел корью. Болели и его сестры. «Бэйби, — писала Александра мужу, — это одна сплошная сыпь, покрыт ею, как леопард». Императрица молилась о больных детях. «Мне кажется, все будет хорошо», — писала она мужу и приложила к письму кусочек дерева с могилы Распутина. Она была уверена в целительных свойствах этого кусочка, потому что верила, что Распутин умер, чтобы спасти их³.

После обедни во время утреннего доклада Николая II ждала новая неприятность. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев сообщил ему телеграмму начальника Петроградского военного округа С.С. Хабалова, полученную 25 февраля в 18 часов 08 минут.

Хабалов телеграфировал: 23 и 24 февраля из-за недостатка хлеба на заводах в Петрограде начались забастовки. Бастовало около 200 тысяч. Трамваи не ходили. Рабочие прорвались к Невскому, но их там разогнали. В трамваях и лавках били стекла. Четверо полицейских ранены. Полицейстеру сломали руку. Убит пристав Крылов⁴.

В 11.50 Александра телеграфировала Николаю: «Очень беспокоюсь относительно города»⁵.

После завтрака, на котором присутствовали представители держав союзников, царь совершил поездку на автомобиле по Бобруйскому шоссе к часовне, воздвигнутой в память 1812 года⁶.

В 13.40 телеграф принес в Ставку новые известия от Хабалова:

«Толпы собираются на Знаменской площади и у Казанского собора. Их разгоняют, они снова собираются. У Гостиного двора появились красные флаги. В ответ на предупреждение, что будет открыт огонь, из толпы раздались несколько револьверных выстрелов. Один рядовой ранен. Драгуны открыли огонь. Трое убитых, десять раненых. Толпа рассеялась. В наряд жандармов брошена граната, ранены жандарм и лошадь. Бастует около 240 тысяч. Выпущено объявление, запрещающее собираться на улицах толпами. Утром 26 февраля в городе спокойно»⁷.

После чая Николай II читал, принял сенатора С.Н. Трегубова. Затем в 9 часов вечера — обед. В 21.20 послал телеграмму жене о том, что 1 марта будет в Царском Селе, и отправился «забивать козла»⁸.

Когда Николай стучал костяшками домино, телеграф отбивал телеграмму председателя Государственной думы М.В. Родзянко Алексею. «Волнения <...> принимают стихийный характер и угрожающие размеры». Их повод — недостаток выпеченного хлеба и

² Там же; Переписка Николая и Александры Романовых (Далее: Переписка...). М.; Л., 1927. Т. V.

³ Там же. С. 222.

⁴ Красный архив. (Далее: КА). 1927. № 2. С. 4–5.

⁵ Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 67.

⁶ Переписка... С. 224–225.

⁷ КА. 1927. № 2. С. 5.

⁸ Переписка... С. 225.

Ложь и правда об отречении Николая II

слабый подвоз муки. От этого происходит паника. Главная же причина — «полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения». Движение может перекинуться на железные дороги, и тогда жизнь страны замрет. Заводы останутся, рабочие останутся без дела и выйдут на улицы. Начнется анархия, «стихийная и неуправляемая». Правительственная власть находится в параличе, она неспособна восстановить порядок. Война с немцами будет проиграна. Россию ждут унижение и позор. Из создавшегося положения есть только один выход: немедленно призвать лицо, «которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство».

Родзянко просил Алексеева поддержать свое ходатайство перед царем, чтобы предотвратить катастрофу, пока еще не поздно. «Промедление смерти подобно», — патетически заканчивал свое послание председатель Государственной думы⁹.

Николай II отправился спать. В ночь 27 февраля в 2.05 в Могилев пришла телеграмма председателя Совета министров Н.Д. Голицына. Премьер сообщил о том, что он воспользовался чистым бланком с подписью царя и распустил законодательные палаты: Государственную думу и Государственный совет¹⁰.

Накануне Родзянко переслал приведенный выше текст своей телеграммы всем главнокомандующим фронтам. Первым, в 1.00, отозвался главком Юго-Западного фронта А.А. Брусилов. Он телеграфировал Алексееву свою просьбу поддержать при докладе царю ходатайство Родзянко, потому что другого выхода не видит¹¹.

Утром 27 февраля около 10 часов Алексеев доложил Николаю II полученные телеграммы. Доклад длился недолго. Предложение Родзянко, хотя и было поддержано Брусиловым, не произвело на царя никакого впечатления.

Уже два года из уст оппозиции, средоточием которой в его глазах была Дума, он слышал нечто подобное. Предложения даровать ответственное перед законодательными палатами министерство (которого, кстати сказать, мы не имеем и сегодня, спустя более чем 80 лет) или хотя бы образовать «министерство доверия», т. е. составить правительство из людей, которым доверяет страна, всегда встречали у Николая II однозначно негативное отношение.

Формулируя свое кредо, он сказал, что ничего не желает для себя лично, ни за что не держится, но считает невозможным передавать управление Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести родине величайший вред, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку. «Я ответственен перед богом и Россией за все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность»¹².

Когда Николаю II говорили, что его мысль ошибочна и следует принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет», он отвечал: такая формула ему непонятна, надо быть иначе воспитанным или переродиться, чтобы принять ее.

Царь «перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые несомненно составят первый кабинет, — все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»¹³.

⁹ КА. 1927. № 2. С. 5–6.

¹⁰ Там же. С. 7–8.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Отречение... С. 152–153

¹³ Там же.

Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, в оценке общественных деятелей, которые затем вошли в состав Временного правительства, Николай II оказался совершенно прав.

Он понимал, что под лицом, которому «верит вся страна», Родзянко подразумевал прежде всего себя. Нельзя сказать, чтобы царь хорошо разбирался в людях, но у него было достаточно проницательности для того, чтобы понять, что за человек Родзянко.

Если бы на одну чашу весов предстояло положить благо страны, но без всякого участия его самого в созидании этого блага, а на другую чашу возложить власть, врученную ему, но без всякой возможности употреблять ее во благо государству, Родзянко бы предпочел власть без блага благо без власти. И в этом была суть Родзянко, так много говорившего о необходимости вовремя спасти Россию, равно как и тех, кто вскоре пришел ему на смену. События ближайших дней это подтвердили.

Трагедия же царя состояла в том, что сам он, чувствуя величайшую ответственность перед страной и Богом, был не в состоянии осуществить то, что общественный кабинет пока только еще обещал, и пытался найти решения сложнейших проблем, стоявших перед Россией, на пути полумистических исканий.

В событиях в столице Николай видел пока еще только беспорядки и на ходайство Родзянко поставить его во главе управления не ответил, не усмотрев никаких веских причин отступить от своего кредо.

Между тем уже в то утро Александра Федоровна оценивала происходящее в столице по-иному. «Революция, — телеграфировала Аликс мужу в 11.12, — вчера приняла ужасающие размеры <...> Известия хуже, чем когда бы то ни было»¹⁴.

В 12.40 в Ставке была получена вторая телеграмма Родзянко, адресованная уже царю. Председатель телеграфировал, что с роспуском Думы уничтожен последний оплот порядка. Правительство бессильно. «Гражданская война началась и разгорается». Родзянко заклинал царя созвать Думу и призвать «новую власть», т. е. поручить ему составление кабинета¹⁵. «Государь, не медлите <...> Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно». Ответа не последовало и на этот раз.

«Адресат выбыл»

В известной притче рассказывается о том, как пастух звал односельчан спасать стадо от волков, когда еще никаких хищников не было и в помине. Когда же волки в самом деле пришли, никто не откликнулся на крики пастуха о помощи.

В положении пастуха и оказался председатель Государственной думы Родзянко 27 февраля. Между тем уже в 13.03 мнение Аликс впервые совпало с мнением Родзянко, совпало в главном. «Уступки необходимы, — телеграфировала она Николаю. — Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции»¹⁶. Мнение жены очень много значило для «нежно любящего Ники». Но телеграммы супруги он не получил. (Потом утверждали, что телеграфисты писали на этих телеграммах: «Адресат выбыл».)

В 12.20 пришла телеграмма Хабалова, встревожившая царя не на шутку: войска отказываются стрелять в народ, гвардия проявляет колебания. «Принимаю все меры, которые мне доступны», — заверял командующий военным округом и просил немедленно прислать надежные части с фронта¹⁷.

¹⁴ Блок А. Последние дни императорской власти... С. 78.

¹⁵ КА. 1927. № 2. С. 6–7.

¹⁶ Блок А. Последние дни императорской власти... С. 78.

¹⁷ КА. 1927. № 2. С. 8.

Но в 13.20 была получена успокоительная телеграмма военного министра А.А. Беляева: «Начинавшиеся утром в некоторых войсковых частях волнения подавляются “твёрдо и энергично”. Хотя пока еще не удалось подавить бунт, в скором времени спокойствие будет восстановлено. Принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие»¹⁸.

В 13.59 в Ставку пришла телеграмма главкома Западного фронта А.Е. Эверта в ответ на «циркулярную» телеграмму Родзянко. Главком был очень осторожен. Эверт просил доложить царю, что он всего лишь солдат и в политику не мешается, но просит принять все необходимые меры для обеспечения нормального железнодорожного движения. Косвенно этот призыв свидетельствовал о скрытой поддержке позиции Родзянко¹⁹.

Около 14 часов флигель-адъютант А.А. Мордвинов передал Николаю телеграммы Хабалова и Беляева. Бегло просмотрев их, царь задумался. Потом «с горечью» в голосе сказал: «Надо надеяться, что все это безобразие будет скоро прекращено»²⁰. Царь все еще надеялся, как он написал в тот день жене, что «беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих»²¹.

В 19.06 Николай послал телеграмму супруге: «Выезжаю завтра в 2.30. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены»²².

В 19.35 в Ставке получили рапорт Беляева: положение становится «весьма тревожным». Военный мятеж верными частями подавить пока не удалось. Напротив, многие части присоединялись к мятежникам. Начались пожары. Гасить их нет средств. Петроград объявлен на осадном положении. Необходимо «спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве»²³.

В этих условиях, когда даже императрица признавала необходимость пойти на уступки, Николай выбрал ординарное решение: заменить несправившегося Хабалова другим генералом, снять с фронтов и предоставить ему боеспособные войска в достаточном количестве, вернуться самому в Царское Село и навести порядок.

В 21.35 в Ставке получили телеграмму главнокомандующего Северным фронтом Н.В. Рузского. В отличие от других главкомов, также получивших телеграмму Родзянко, Рузский обратился прямо к царю. Указав на опасность, которую представляют события в Петрограде для действующей армии, Рузский заявил, что «репрессии могут скорее обострить положение, чем привести к успокоению»²⁴. Это означало, что царь должен пойти по пути, предложенному Родзянко.

В 22.30 Алексеева вызвал к прямому проводу брат царя великий князь Михаил Александрович. Он находился в доме военного министра и, следовательно, был хорошо информирован о стратегической обстановке. Михаил просил Алексеева доложить Николаю о том, что сам премьер Голицын признал необходимым распустить Совет министров, назначить председателя, «пользующегося уважением в широких слоях» общества с правом сформировать новый кабинет. Михаил просил уполномочить его объявить об этом от имени Николая. Кандидатом же на пост премьера кабинета доверия Михаил предлагал Г.Е. Львова, известного общественного деятеля. Алексеев немедленно доложил царю о состоявшемся разговоре²⁵.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 8–9.

²⁰ Отречение... С. 93.

²¹ Переписка... С. 224–225.

²² Там же. С. 225.

²³ КА. 1927. № 2. С. 9.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 11.

Николай велел ответить брату, что все перемены в личном составе правительства отлагаются до его возвращения в Царское Село. На место Хабалова назначен боевой генерал. С фронта в Петроград отправляются 8 полков. Сообщая Михаилу об ответе Николая, Алексеев от себя лично попросил, чтобы великий князь и впредь при докладах царю действовал в прежнем духе²⁶.

Эта просьба не оставляла никаких сомнений в том, на чьей стороне уже вечером 27 февраля был начальник штаба Верховного главнокомандующего, через которого царь осуществлял связь с армией. Однако, вопреки убеждению, Алексееву пришлось заниматься подготовкой карательной экспедиции в Петроград, в успехе которой он более чем сомневался.

После доклада Алексеева Николай отправился в штаб и в 23.25 сам послал телеграмму Голицыну о том, чтобы он оставался на своем посту²⁷. При новом военном начальнике премьеру предоставляются все необходимые права по гражданскому управлению. Если Михаилу царь передавал, что перемены личного состава откладываются, то премьеру Николай категорически заявил: «Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми».

Вечером обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф сообщил из Царского Села, что императрица вместе с больными детьми собирается выехать навстречу Николаю. Бенкендорф передал, что, по сведениям, полученным от Беляева, революционная толпа собирается двинуться из Петрограда на Царское Село²⁸. Воейков тут же связался с Беляевым и узнал от него, что эти сведения распространяются самим Родзянко²⁹. Николай велел передать семье, чтобы она оставалась на месте. Хотя царь первоначально собирался выехать на следующий день, обстановка в Царском Селе, где императорской семье уже угрожала непосредственная опасность, заставила его ускорить свой отъезд.

«В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия», — записал царь в дневнике, подводя итог дня³⁰.

Ночью 28 февраля в 0.55 Хабалов сообщил Алексееву, что исполнить приказ царя о восстановлении порядка в столице «не мог». Большинство частей отказалось сражаться с мятежниками, другие побратались с ними и обратили оружие против верных войск. Понесены большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью города. Оставшиеся верными войска стянуты к Зимнему дворцу³¹.

В час ночи Николай перебрался в поезд и решил ехать немедленно, как только все будет готово к отъезду.

В 1.55 телеграфные чиновники сообщили в Ставку, что из-за стрельбы не могут доставлять депеши, и попросили больше их не присылать, если там не хотят, чтобы телеграммы оказались в руках мятежников³². Из Ставки ответили: «Депеши будут передавать, пока действует провод»³³.

²⁶ Там же. С. 12.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Блок А. Последние дни императорской власти... С. 82.

²⁹ Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 106.

³⁰ Отречение... С. 33.

³¹ КА. 1927. № 2. С. 15–16.

³² Там же. С. 16.

³³ Там же.

Ложь и правда об отречении Николая II

В 1.59 Беляев рапортовал Воейкову: «Мятежники заняли резиденцию Совета министров — Марининский дворец. Министры разбежались. Во дворце находятся члены революционного правительства»³⁴. В 3.15 Николай лег спать. В 5 часов утра литерный поезд «А» двинулся в путь³⁵.

Ивановы спасают Россию

В то время как Алексеев говорил с Михаилом по телефону, телеграф передавал военному министру распоряжение царя о том, что главнокомандующим Петроградским военным округом назначается генерал-адъютант Николай Иудович Иванов. Он наделяется чрезвычайными полномочиями. В его распоряжение с фронта снимаются 8 полков, сам же он с батальоном георгиевских кавалеров завтра отправляется в Царское Село³⁶.

В десятом часу вечера Николай принял Иванова. После того как царь перебрался в поезд, в вагон опять был вызван Иванов, и беседа с ним продолжалась до 3 часов³⁷. Было решено предоставить ему дополнительные силы, а его самого наделить полномочиями диктатора: все министры должны были беспрекословно исполнять его приказания.

28 февраля в 10.05 Иванов вместе с восьмьюстами георгиевскими кавалерами выехал из Могилева в Царское Село. Основные военные силы, снимаемые с фронта, должны были подойти к нему позже³⁸.

В тот же день, 28 февраля, туда же, в Царское Село, из Петрограда отправился человек с такой же фамилией — Н.Н. Иванов, присяжный поверенный. По адвокатским делам он был тесно связан с дядей царя великим князем Павлом Александровичем, стоящим во главе гвардии.

Если генерала Николая Иванова, призванного огнем и мечом спасти Россию, послал царь, то юриста Николая Иванова, рассчитывавшего спасти Родину с помощью пера и чернил, отправил Родзянко, председатель Государственной думы³⁹.

Впрочем, когда Н.Н. Иванов получал это поручение, Родзянко уже был председателем Временного комитета Государственной думы для сношений с учреждениями и лицами.

Полуциркульный комитет

Утром 27 февраля, когда Николай в Могилеве слушал доклад Алексеева, в Петербурге, в Таврическом дворце, Дума, распущенная царским указом, собралась на частное совещание и решила образовать из своих членов особый Временный комитет, главной задачей которого было бы водворение порядка в столице⁴⁰. В него вошли кандидаты от различных фракций, представленных в Думе, — всего 12 человек.

Самыми яркими фигурами во Временном комитете оказались: М.В. Родзянко — председатель, П.Н. Милюков — лидер партии кадетов, А.Ф. Керенский — трудовик. С первой же минуты существования комитета между ними завязалась борьба за ли-

³⁴ Там же.

³⁵ Отречение... С. 33.

³⁶ КА. 1927. № 2. С. 9—10.

³⁷ Отречение... С. 33.

³⁸ КА. 1927. № 2. С. 21.

³⁹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 29.

⁴⁰ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957.

дерство. Все трое оставили мемуары о революции, но никто из них не рассказал об этой отчаянной схватке. Как раз наоборот, именно ее авторы воспоминаний старались тщательно затушевать. В самом деле, если бы они просто-напросто рассказали, как боролись за власть друг с другом, их откровения разоблачили бы миф революции сильнее всех ее самых оголтелых критиков и хулителей.

Когда Временный комитет конституировался, за стеной, в комнате № 13, уже заседал только что образованный Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов⁴¹. Председателем Совета стал Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский — его заместителем.

Будучи членами двух разных комитетов, оба они вместе с тем входили в одну общую организацию масонского толка, известную под названием «*Великий Восток народов России*». Из 12 членов Временного комитета Государственной думы половина принадлежала к масонам.

Во главе «*Великого Востока народов России*» в это время стоял А.Ф. Керенский. Он был генеральным секретарем его Верховного совета. Заместителем Керенского на этом посту являлся Н.В. Некрасов, также вошедший во Временный комитет от партии кадетов. Ни Родзянко, ни Миллюков к масонам не принадлежали. Хотя до весны 1916 г. они действовали с ними в одном русле, добиваясь «министерства доверия».

Однако и Родзянко, тесно связанный с придворными кругами, и Миллюков, «профессор, привыкший читать лекции», признавали лишь легальные способы борьбы. Масоны же с 1916 г. весны готовились к действиям нелегальным. В этой среде были выработаны планы мобилизации общественного мнения против дворцовой камарильи, вынашивалась идея дворцового переворота. Один из вариантов такого переворота, между прочим, предполагал задержку царского поезда на пути из Могилева в Царское Село и принуждение Николая к отречению в пользу сына Алексея при регентстве Михаила.

Немаловажную роль в этих планах играл А.И. Гучков, председатель Центрального военно-промышленного комитета. Отнюдь не случайно днем 27 февраля, когда в Думе обсуждался вопрос о том, как отнестись к указу царя о роспуске Думы, именно масоны призывали не подчиниться ему и подталкивали нерешительного Родзянко и осторожного Миллюкова к энергичным действиям⁴².

Только к вечеру 27 февраля, когда правительство уже фактически не существовало, верные правительству войска были стянуты к Зимнему дворцу, а Преображенский полк заявил о своей поддержке Думы, Родзянко наконец решился. При этом в кабинете председателя Думы произошла эффектная сцена. Родзянко выпрямился в кресле и с размаху ударил ладонью по столу. «Хорошо, господа, — громко произнес он, — я беру власть в свои руки. Но отсель прошу всех беспрекословно мне подчиняться <...> Александр Федорович, это особенно к вам относится». Ответ Керенского был выразителен: «Я готов действовать в полном согласии с Временным комитетом Думы, однако примите во внимание, что сейчас бурлит в бюджетной комиссии»⁴³. В помещении бюджетной комиссии заседал Совет рабочих депутатов.

Диалог этот был весьма знаменателен. Многие отразилось в нем: и то, что, беря в руки бразды, Родзянко прекрасно понимал, кто станет оспаривать у него вожжи, и

⁴¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1. С. 72–75.

⁴² Бубликов А.А. Русская революция. Ее начало, арест царя, перспективы. Нью-Йорк, 1918. С. 19–21.

⁴³ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 457.

то, что весомость голосу Керенского будет придавать опора на Совет и тех, кого он представлял, называя себя «заложником демократии».

Став председателем Временного комитета, Родзянко предпринял шаги, чтобы легализовать свое новое положение, полученную власть сделать из временной постоянной. Но для этого ему была нужна санкция престола. Поскольку Николай на его телеграммы не отвечал, Родзянко решил опереться на ближайших родственников царя.

Ближе всего он был связан с великим князем Михаилом, с которым поддерживал тайные контакты. Еще 26 февраля он вызвал великого князя из Гатчины, а во второй половине дня 27-го он явился в Мариинский дворец вместе с думской делегацией и пытался уговорить Михаила от имени царя поручить ему сформировать кабинет доверия. Но князь отказался, так как у него не было для этого таких полномочий.

Тогда Родзянко стал склонять премьера Н.Д. Голицына сложить с себя и своего кабинета полномочия и передать их председателю Думы. Уйти в отставку Голицын был готов, но передавать власть в чужие руки без санкции царя никогда бы не стал. Тогда Родзянко сделал предложение Михаилу принять на себя регентство, но получил отказ: без согласия Николая Михаил не мог принять такого ответственного решения.

Следствием этих контактов и был разговор с Алексеевым по прямому проводу 27 февраля в 22.30, когда царь ответил на все предложения брата категорическим отказом⁴⁴.

Утром 28 февраля Родзянко послал Н.Н. Иванова, чтобы попытаться использовать для этих же целей дядю царя великого князя Павла. «Я через Н.И. (т. е. Николая Иванова. — М.С.) все время в контакте с Думой», — писала жена великого князя княгиня О.В. Палей Александре Федоровне 3 марта⁴⁵.

Иванову удалось договориться с великим князем, что он встретит Николая на вокзале, когда тот приедет в Царское Село, и тут же попытается уговорить царя подписать манифест, дарующий ответственное министерство. В планы Родзянко входило попробовать убедить Александру Федоровну участвовать в этой затее. Не зря же накануне Родзянко муссировал слухи о том, что революционная толпа уже готовится к походу на русский Версаль, почему императрица хотела покинуть царско-сельскую резиденцию и выехать на встречу с мужем.

Но уговорить Александру Федоровну присоединиться к этой затее особенно не надеялись, а потому рассчитывали склонить Николая подписать манифест прямо на вокзале, еще до того как он успеет переговорить с женой и испытает ее сильное влияние.

Но все-таки в царской резиденции был составлен проект манифеста. Потом Воейков ворчливо жаловался в своих мемуарах, что в это время не мог дозвониться в дворцовую канцелярию. Там были заняты тем, что писали конституцию⁴⁶. Царица была осведомлена об этих работах. «Павел, получивший от меня страшную головомойку за то, что ничего не сделал с гвардией, — писала она мужу 2 марта, — теперь работает изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны»⁴⁷.

В подготовленном проекте от имени царя объявлялось, что Думе и Государственному совету дается поручение немедленно начать рассматривать проект Основных законов, который внесет правительство, опирающееся на доверие страны, хотя никакого проекта Основных законов еще не было подготовлено. Такой безличный текст

⁴⁴ КА. 1927. № 2. С. 11–12.

⁴⁵ КА. 1927. № 5. С. 208.

⁴⁶ Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 106, 167.

⁴⁷ Переписка... С. 227.

не мог устроить Родзянко, потому что в нем не говорилось, кто же персонально сформирует и возглавит такое правительство. Но для председателя Временного комитета это был вопрос первостепенной важности. Поэтому документ пришлось переделывать, т. е. персонифицировать его в соответствии с пожеланиями патрона Иванова.

Проект был составлен с соблюдением всех формальностей, необходимых для манифеста, посредством которого царь объявлял своему народу о даровании конституции. **«Божьей милостью, Мы, Николай Второй...».**

В манифесте сообщалось, что царь хотел переустроить государственное управление империи на началах народного представительства и рассчитывал приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны. Но осуществить это намерение монарху мешало «бывшее правительство»: считая нежелательным установить ответственность министров перед законодательными учреждениями, оно (видимо, из эгоистических побуждений) откладывало этот акт на неопределенное время. События же последних дней показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, оказалось неспособным предвидеть возникшие волнения и их прекратить.

Таким образом получалось, что автор манифеста именно из правительства, уже не существовавшего, хотел сделать козла отпущения, а монарха возвысить за счет «окозления» его министров. Смута, крайне опасная во время войны, утверждал манифест, посеяна **«не без происков коварного врага».** (Правда, автор не уточнял, какой это враг, внутренний или внешний.) Но русский народ не даст восторжествовать этим вражеским проискам. Поэтому православный царь, **«осеня себя крестным знамением»**, представляет государству российскому конституционный строй.

Для этого манифест предписывал возобновить прерванные занятия Государственной думы и Государственного совета. Председателю Думы поручалось составить **«Временный кабинет, опирающийся на доверие страны».** Этот кабинет должен принять меры для созыва законодательного собрания. Оно, в свою очередь, немедленно займется рассмотрением проекта Основных законов, который должен внести в него **«кабинет доверия».**

Проект манифеста заканчивался стандартной формулой: **«Дан в Царском Селе, Марта в 1-й день в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же нашего двадцать третье»⁴⁸.** Для того чтобы придать документу больше веса в глазах царя, великий князь Павел Александрович поставил под ним свою подпись. В Петрограде Иванов склонил к этому и великого князя Кирилла Владимировича. Наконец, после долгих колебаний подписал проект и Михаил Александрович. В таком виде текст должен был одобрить Николай.

Но чтобы предложить это царю, надо было дождаться, чтобы он вышел из поезда на перрон Царскосельского вокзала.

«Он шел на Одессу, а вышел к Херсону»

Всю ночь царский поезд двигался к Петрограду, а в Ставку приходили новые и новые сообщения. Одно тревожнее другого. Впрочем, в Ставке их воспринимали по-иному...

28 февраля в 8.25 Хабалов донес: **«Количество верных правительству войск составляет 600 человек пехоты, 500 человек кавалерии. В их распоряжении 15 пулеметов, 12 орудий»⁴⁹.**

⁴⁸ Огонек. 1923. № 1. С. 12.

⁴⁹ КА. 1927. № 2. С. 19.

Ложь и правда об отречении Николая II

В 9.10 Алексееву передали телеграмму, адресованную царю. Она пришла в Могилев, когда царь уже уехал на вокзал, поэтому вручить ее в собственные руки не успели. Телеграмма пришла от выборных членов Государственного совета, верхней законодательной палаты. Среди подписавших ее был А.И. Гучков.

Государственные советники пошли дальше членов Государственной думы. Они требовали не только поставить во главе кабинета лицо, обличенное доверием страны, но и ввести ответственность правительства перед народным представительством. Гучков уже шел впереди Родзянко⁵⁰.

В 11.30 новая телеграмма Хабалова сообщала: «Весь город во власти заговорщиков, телефон не действует, вокзалы захвачены и строго охраняются»⁵¹.

В 11.45 в Ставке получили рапорт Беляева: «Мятежники во всех частях города овладели главными учреждениями. Войска бросают оружие и переходят на сторону мятежников. На улицах идет беспорядочная стрельба, движение прекращено, офицеров на улицах разоружают. Крайне желательно скорейшее прибытие войск, без них мятеж будет только увеличиваться»⁵².

В 13.10 Алексеев начал рассылку телеграмм главнокомандующим фронтами с подробным изложением событий в Петрограде. Еще ночью, в 0.35, начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирал Русин получил сообщение из столицы о создании Временного комитета Думы. Поэтому Алексеев сообщил главному командованию о том, что, по частным сведениям, в Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы от рабочих и мятежных войск⁵³. Характерно, что эти сведения не были еще доложены царю, а главкомы уже извещались о них...

В 14.25 Беляев телеграфировал о полной капитуляции остатков правительственных войск⁵⁴. Около 12 часов дня их вывели по требованию морского министра из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть здание разгрому. Поскольку эти части были не вполне надежны, решили не переводить их в другое место, а распустить по казармам. Чтобы по пути у них не отобрали оружие, признали целесообразным сдать его морскому министру. Все это означало, что диктатор Иванов может рассчитывать только на собственные силы.

Правительство больше не существовало. Министерство путей сообщения не могло управлять железными дорогами. Ставка попыталась взять управление ими в свои руки, но это оказалось невозможным чисто технически. Ставка усиливала военный кулак Иванова, но поскольку железные дороги, вокзалы и связь между ними находились теперь в руках восставших, сколько бы войск ни выделяли Иванову, их еще предстояло подвести к Петрограду...

А поезд царя двигался в мятежную столицу, не имея связи со Ставкой...

Царь находился в хорошем настроении. В 15 часов поезд прибыл в Вязьму. Николай телеграфировал жене: «Мыслями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо. Много войск послано с фронта. Любящий нежно Ники»⁵⁵. Поезд в это время проследовал через Ржев.

В 21 час он уже был в Лихославле. В 21.27 Николай послал телеграмму жене: «Завтра утром надеюсь быть дома»⁵⁶. Но в Лихославле царя ждали скверные известия.

⁵⁰ Там же. С. 18.

⁵¹ Там же. С. 20.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 22–24.

⁵⁴ Там же. С. 27.

⁵⁵ Переписка... С. 225.

⁵⁶ Блок А. Последние дни императорской власти... С. 90.

Тут он узнал, что Родзянко разослал обращение к железнодорожникам. В нем сообщалось, что старая власть, допустившая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки «создание новой власти». В связи с этим Родзянко призывал железнодорожников трудиться на своих местах с удвоенной энергией. Обращение было разослано комиссаром Временного комитета по железнодорожному транспорту А.А. Бубликовым.

В 13.50 в телеграмме Бубликов писал: «Сего числа занял Министерство путей сообщения»⁵⁷.

В Лихославле стало ясно, в чьих руках находятся железные дороги.

В Бологом увидели телеграмму, отправленную 28 февраля в 5.15 Родзянко о том, что Временный комитет Государственной думы был «вынужден» взять власть для восстановления общественного порядка.

Из Бологого Родзянко была послана телеграмма, приглашающая его выехать навстречу царю для доклада. Родзянко телеграфировал, что выезжает⁵⁸.

В Малой Вишере узнали о том, что никому не ведомый поручик Греков, теперь уже комендант Николаевского вокзала, разослал экстренную телеграмму всем начальникам служб движения и телеграфа. От имени Временного комитета он приказывал сообщать ему полную информацию о всех военных поездах и не выпускать их со станций без специального разрешения⁵⁹. Это значило, что за движением частей Иванова устанавливается контроль, а их пропуск теперь зависит от поручика Грекова.

Поняли ли тогда в Малой Вишере, что и за литерным поездом царя установлено строгое наблюдение? Видимо, да. Вскоре на станцию на дрезине прибыл офицер железнодорожного полка и сообщил, что через Любань проехать нельзя. Она уже занята бунтующими солдатами⁶⁰. То же происходит в Тосно.

Было около часу ночи 1 марта. (Много позже рассказывали, что никаких революционных войск там не было, а сообщение было ложным. Солдаты проезжающей через Любань военной части разгромили станционный буфет. Порядок восстановили довольно быстро. В материалах Ставки встречаются сведения о движении пятидесяти человек, которые разоружили жандармов и арестовали офицеров на станциях Николаевской железной дороги. Возможно, это была одна из этих групп.)⁶¹

Около трех часов ночи царский поезд повернул на Бологое. Около 10 часов он находился уже за Бологим между Валдаем и Старой Руссой. Первоначально рассчитывали проехать в Царское Село через Старую Руссу, Дно и Вырицу. Тут выяснилось, что мост по Виндавской железной дороге испорчен.

В Старой Руссе в 13.05 было решено проследовать через станцию Дно в Псков, где находился штаб Северного фронта.

На перроне станции Дно Николая уже ждал телеграфист с телеграммой в руках. Родзянко сообщал: «Сейчас экстренным поездом. Выезжаю на станцию Дно для доклада Вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дожидаться моего приезда, ибо дорога каждая минута»⁶².

Это был последний шанс председателя Временного комитета получить из рук царя «добро» на создание ответственного министерства. Он собирался представить царю

⁵⁷ КА. 1927. № 2. С. 32–33.

⁵⁸ Падение царского режима. Л., 1925. Т. III. С. 69.

⁵⁹ КА. 1927. № 2. С. 33.

⁶⁰ Отречение... С. 54–55.

⁶¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 70.

⁶² Там же. С. 55.

документ в духе того великокняжеского манифеста, который Иванов готовил в Царском Селе.

Теперь уже Николай, еще вчера даже не отвечавший на телеграммы Родзянко, остро нуждался в нем. Конечно, он не знал о том, что Родзянко не может приехать на станцию Дно, даже если ему удастся выехать из столицы.

Еще в 11.00, когда поезд Николая уже прошел станцию Бологое и находился между Валдаем и Старой Русой, начальник Виндавской железной дороги получил от Бубликова телеграмму прелюбопытнейшего содержания: «Немедленно отправить со станции Дно в направлении на Бологое два товарных поезда следом друг за другом и занять ими какой-нибудь разъезд, возможно, восточнее станции Дно и сделать фактически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологого в Дно». За неисполнение или «недостаточно срочное исполнение» своего предписания Бубликов грозил наказанием как за измену Отечеству⁶³.

Все это делалось для того, чтобы сорвать встречу Родзянко с царем. Узнав о телеграмме Родзянко с просьбой о встрече на станции Дно, Бубликов решил сделать эту встречу физически невозможной, закрыв перегон Бологое — Дно. Недаром 2 марта газета «Известия», орган Петроградского Совета, сообщила о том, что «между станциями Бологое и Дно остановлен царский поезд, позади него (выделено автором. — М.С.) устроено крушение»⁶⁴.

Хотя Совет хотел уверить читателей, что царский поезд пойман в западню: позади крушение, впереди революционные войска заняли станции, в действительности впереди никаких революционных войск не было, а вот позади на самом деле было устроено крушение, чтобы не допустить Родзянко на встречу с царем! (Недаром 1 марта в 20.45 Алексеев возмущался тем, что литерные поезда не пропускаются на Дно и дальше⁶⁵, а между тем он знал о том, что на линии Могилев—Дно—Петроград поезда ходили свободно.) Западня была подстроена Бубликовым не Николаю, а Родзянко.

От Петрограда до станции Дно было 6 часов езды. Воейков по телеграфу связался с Петроградом и узнал, что поезд для председателя уже несколько часов стоит готовым к отправке. Сам же Родзянко находился в Таврическом, и когда он намеревался выехать, было неизвестно.

Царь решил не терять времени на ожидание. Родзянко была послана телеграмма приехать в Псков, туда же и направился сам царь⁶⁶.

По пути он обдумывал размер уступок, на которые, кажется, теперь уже было необходимо пойти. Николай думал, что можно будет ограничиться чем-то средним между тем, что было раньше, и «министерством доверия». «Силовых» министров, то есть военного и морского, а также иностранных дел царь будет назначать сам, прочих же — премьер.

Николай поручил Воейкову выехать из Пскова навстречу Родзянко, чтобы по пути подготовить председателя к такой куцей комбинации. Для этого Воейков даже заказал в Пскове подготовить для себя экстренный поезд⁶⁷. Надеялись через Псков проехать по Варшавской железной дороге в Царское Село.

Однако в Пскове Николая ждали безотрадные известия.

⁶³ КА. 1927. № 2. С. 36.

⁶⁴ Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 2 марта.

⁶⁵ КА. 1927. № 2. С. 44.

⁶⁶ Падение царского режима... Т. III. С. 76; Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 170.

⁶⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 170.

Ставка против Совета... и больше чем жизнь

Еще 28 февраля в 18.00 состоялся телефонный разговор между начальником морского штаба Ставки с Главным морским штабом Петербурга. Из этого разговора в Ставке стало известно: Временный комитет Думы пытается вернуть восставшие войска в казармы. Но для этого ему необходим правительственный акт о создании нового кабинета. Надо спешить, потому что «может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранил Думу»⁶⁸. Эта оценка ситуации во многом преопределила позицию Ставки.

1 марта в 1.15, когда царский поезд стоял в Малой Вишере, Алексеев направил Иванову телеграмму в Царское Село. Она имела целью осведомить диктатора, а через него и государя, об изменении ситуации и призывала пересмотреть образ действий.

В телеграмме подчеркивалось, что, по частным сведениям, в Петрограде установилось спокойствие. Временный комитет под руководством Родзянко приводит войска в порядок. Монархическое начало остается незыблемым. В этих условиях, чтобы избежать междоусобицы, необходимо идти путем переговоров⁶⁹.

В 13.55 Могилев стал передавать текст этой телеграммы главкомам, начиная с Н.В. Рузского⁷⁰.

В 15.55 в Пскове в штабе Северного фронта приняли телеграмму Алексеева, адресованную Николаю (ранее она была послана в Царское Село, но до адресата дойти не смогла). Алексеев сообщил о том, что революция уже перекинулась в Москву. Он умолял государя согласиться на предложение Родзянко о «министерстве доверия». Алексеев привел новый, очень существенный аргумент: если от царя не последует акта, способствующего всеобщему успокоению, «власть завтра же перейдет в руки крайних элементов и Россия переживет все ужасы революции». Алексеев подчеркнул, что те, кто докладывает императору противное, т. е. советники из свиты, а может быть, и императрица, «бессознательно и преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии». Начальник штаба считал, что это должно быть сообщено Николаю немедленно, и просил послать офицера навстречу царю⁷¹.

В 16.55 в Псков поступили новые известия для доклада: в Кронштадте — беспорядки, в Москве — восстание, Балтийский флот признал Временный комитет⁷².

В 17.40 Алексеев приказал Рузскому представить Николаю переданные телеграммы прямо на вокзале. К просьбе Алексеева относительно Родзянко и «министерства доверия» присоединился великий князь Сергей Михайлович⁷³.

В 17.35 Начальника морского штаба в Ставке адмирала Русина известили о том, что в Петрограде «есть опасность раскола в самом комитете Государственной думы и выделения в особую группу крайних левых революционных партий и Совета рабочих депутатов»⁷⁴.

В 17.53 Русин телеграфировал царю о том, что в Кронштадте анархия, необходимо немедленно пойти Думе навстречу⁷⁵.

В 18.45 в Ставке получили известие: главком Кавказского фронта великий князь Николай Николаевич полностью разделяет линию Алексеева⁷⁶.

⁶⁸ КА. 1927. № 2. С. 29.

⁶⁹ Там же. С. 31.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 37, 39–40.

⁷² Там же. С. 45–46.

⁷³ Там же. С. 42.

⁷⁴ Там же. С. 42–43.

⁷⁵ Там же. С. 43.

⁷⁶ Там же. С. 48.

В 19.36 в Могилеве приняли телеграмму А.А. Брусилова, главкома Западного фронта. Она была послана Николаю на станцию Дно, но царь уже уехал. Главком просил Николая «признать свершившийся факт и мирно <...> закончить дело»⁷⁷.

Во второй половине дня 1 марта Ставка была встревожена тем, что Временный комитет действует не согласно с Могилевом и проводит свою, отличную от генералитета линию.

В телеграмме Родзянко (в 20.45 ее стали рассылать главкомам) Алексеев потребовал оградить армию от «постороннего влияния». Начальник штаба возмущался тем, что комитет вмешивается в управление войсками. Он прервал связь Ставки с Царским Селом и с центральными органами военного управления. Алексеев требовал пропустить литерные поезда, прекратить вмешательство в ведомство верховного главнокомандования, снять контроль за его действиями и распоряжениями со стороны агентов комитета, набранных из младших чинов, не понимающих сущность военной дисциплины⁷⁸.

В Ставке искренне полагали, что все это действие Временного комитета в целом, вынужденного уступать набирающим силу «левым течениям», а не той его части, в руках которой находились связь и железнодорожное движение, хотя информация о расколе в недрах комитета уже достигла Могилева.

Между тем, в той опасной политической игре, которую лидеры вели в те часы за первенство на новом политическом Олимпе, джокером стали транспорт и связь. В специфической ситуации 1 марта джокер оказался в руках группы Керенского. Вначале место комиссара в Министерстве путей сообщения досталось масону А.А. Бубликову, место же министра в будущем правительстве отводилось Н.В. Некрасову, товарищу председателя Временного комитета и заместителя Керенского по «*Великому Востоку народов России*».

Трудно сказать, действовал ли поручик Греков, комендант Николаевского вокзала, по прямому указанию группы Керенского. Неизвестно и то, не был ли офицер, приехавший на дрезине предупредить царя, что Любань и Тосно заняты революционерами, специально послан для дезинформации. Но попытка сорвать встречу Николая и Родзянко прослеживается довольно четко.

Было бы ошибкой думать, что настроенный республикански Совет не хотел допустить сделки монархиста Родзянко с царем. Те, кто не пустил Родзянко на станцию Дно, прежде всего не хотели, чтобы председатель Временного комитета привез от царя поручение именно ему сформировать министерство доверия или даже ответственное министерство.

Когда утром 1 марта Родзянко встретился с противодействием Бубликова, он прислал в Совет офицера, чтобы тот добился разрешения на поездку к царю.

До 13.05 Николай через Старую Руссу надеялся повернуть к Царскому Селу, Родзянко вместе с Г.Е. Львовым и С.И. Шидловским собирались отправиться туда же⁷⁹. Но Бубликов заставил царский поезд повернуть на Псков. Совет, нисколько не интересуясь сутью дела, отказал в просьбе председателю Думы. Вскоре явился Керенский и устроил истерику из-за того, что Совет сыграл на руку монархии. Когда вопрос был поставлен снова, проезд разрешили⁸⁰. Но воспользовался им уже не Родзянко.

Между тем поворот царского поезда в Малой Вишере в обратном направлении, ожидание Родзянко на станции Дно, а затем движение царя на Псков сорвало дос-

⁷⁷ Там же. С. 47.

⁷⁸ Там же. С. 44–45.

⁷⁹ Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. II. Берлин, 1923. С. 82–83.

⁸⁰ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 137.

тавку фронтовых частей Иванову, так как чтобы пропустить царский поезд, движение военных эшелонов было задержано и график сорван. Иванов же, следовавший через станцию Дно утром 1 марта с Георгиевским батальоном, оказался отрезанным от своих основных сил.

В Пскове

Царский поезд прибыл в Псков 1 марта около 19 часов. Еще в 17.20 здесь полагали, что после Пскова поезд двинется на Петроград⁸¹. Но в 19.55 выяснилось, что в Луге какая-то «задержка»⁸². В чем она состояла, пока еще никто толком не знал.

На перроне вокзала Николая встретил Рузский. Этому пожилому человеку сурового вида, в очках и галошах, надетых на сапоги, предстояло сыграть историческую роль.

Потом главком Северного фронта, получивший в свите царя прозвище «лиса», трижды по-разному рассказывал о своем «подвиге». 7 марта 1917 г. в «*Известиях*» было опубликовано интервью, которое Рузский дал журналисту В. Самойлову. На вопрос корреспондента, правда ли, что он предотвратил ужасное кровопролитие, убедив Николая не посылать карательную экспедицию на Петроград, генерал «скромно» заметил: «Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она даже больше той, о которой вы принесли мне сенсационную весть <...> Корпусов для усмирения революции царь мне не предлагал посылать по той простой причине, что я убедил его отречься от престола»⁸³.

14 июня 1917 г. Рузский подробнейшим образом рассказал великому князю Андрею Владимировичу о том, как Николай сам пришел к мысли об отречении, а он, главком, лишь выполнял волю царя⁸⁴.

Наконец осенью 1918 г. Рузский посвятил во все обстоятельства этого дела генерала С.Н. Вильчковского, снабдив свой подробнейший рассказ документами, вывезенными из Пскова. Согласно этой, последней версии Рузский сделал все от него зависящее, чтобы избежать отречения, но государь стал жертвой Алексеева и Родзянко⁸⁵. Как увидим ниже, ни одна из этих версий не передает адекватно то, что произошло. А было так.

Встретив царя, Рузский кратко доложил ему обстановку. Узнав от него, что в Псков должен приехать Родзянко, Рузский сослался на ходатайство Алексеева и попросил принять его по докладу об общем положении до приезда председателя Временного комитета. Но дворцовый комендант Воейков явно не торопился допустить его к царю.

В 20.47 Воейков доложил телеграмму Родзянко, пересланную Бубликовым: «**Чрезвычайные обстоятельства не позволяют мне выехать, о чем доношу Вашему Величеству**». Ранее Родзянко просил царя принять его, но Николай отказывал. Теперь ситуация изменилась коренным образом. Встречи добивался царь, Родзянко же от нее отказывался. Действительно, только «**чрезвычайные обстоятельства**» могли привести к такой метаморфозе.

Лишь после этого, около 22 часов, Рузский был принят Николаем. Он попытался доказать царю, что самодержавие при существовании Государственной думы и Государственного совета — фикция, которой в сложившихся обстоятельствах лучше пожертвовать ради блага страны.

⁸¹ КА. 1927. № 2 С. 48.

⁸² КА. 1927. № 2. С. 49.

⁸³ Отречение... С. 142.

⁸⁴ КА. 1928. Т. 5. С. 201–208.

⁸⁵ Отречение... С. 146–168.

Николай спокойно и убежденно изложил свое кредо. При этом царь подчеркнул, что не может принимать решения против совести. По сути дела, самодержец был поставлен перед дилеммой: либо признать то, что уже свершилось в Петербурге, где складывалась новая власть, либо попытаться силой уничтожить ее.

Однако исход экспедиции Иванова, который именно в это время только подъезжал к Царскому Селу, был Николаю еще не ясен. Да и сам он рассчитывал в ближайшее время отправиться туда же⁸⁶. Поэтому Николай решил пойти на «гомеопатические» уступки.

Около 23.00 он разрешил отправить телеграмму Родзянко, в которой ему поручалось возглавить новый кабинет, выбрав министров, за исключением военного, морского и министра иностранных дел⁸⁷.

В этот момент в Псков пришла телеграмма от Алексеева, который «умолял» Николая немедленно даровать ответственное министерство во главе с Родзянко. «Поступающие сведения дают основания надеяться на то, — писал Алексеев, — что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал <...> но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и спокойствия и способствует захвату власти крайне левыми элементами»⁸⁸.

К этому времени в Могилеве начальник дипломатического отдела Ставки Н.А. Базили вместе с генералом-квартирмейстером А.С. Лукомским уже выработали текст манифеста, которым на Родзянко возлагалась обязанность сформировать кабинет, ответственный перед представителями народа. Передавая текст манифеста, Алексеев буквально заклинал царя подписать его немедленно.

В Ставке по вполне понятным причинам торопились. Не прошло и четверти часа, как из Могилева запросили, не последовало ли высочайшего распоряжения. Наступило 2 марта.

В 0.15 Николай телеграфировал жене: «Надеюсь <...> скоро увидимся»⁸⁹.

В 0.20 царь отправил телеграмму Иванову в Царское Село: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать»⁹⁰. Очевидно, в эту минуту он все еще надеялся выехать из Пскова к семье. Но в 0.50 выяснилось, что гарнизон Луги перешел на сторону Временного комитета и литерный поезд, равно как и эшелоны, посланные с фронта Иванову, но Пскова еще не достигшие, не смогут пройти через лужский рубеж⁹¹.

В 1.06 Н.В. Некрасов, курировавший лужское дело, сообщил Алексееву, что поездка Николая в Царское, видимо, отложена⁹².

В 1.20 царь распорядился вернуть войска, посылаемые Иванову по псковскому направлению, на места их дислокации, так как до Царского они уже не могли доехать через Лугу⁹³.

Около 2 часов ночи встреча Николая и Рузского закончилась тем, что царь разрешил главкому сообщить Родзянко по прямому проводу текст манифеста о даровании ответственного министерства во главе с председателем Думы⁹⁴.

⁸⁶ Там же. С. 152–153.

⁸⁷ Блок А. Последние дни императорской власти... С. 101.

⁸⁸ КА. 1927. № 2. С. 53–54.

⁸⁹ Переписка... С. 226.

⁹⁰ КА. 1927. № 2. С. 53.

⁹¹ Там же. С. 61.

⁹² Там же. С. 61.

⁹³ Там же. С. 64.

⁹⁴ Там же. С. 62.

Ложь и правда об отречении Николая II

Описание дня 1 марта в дневнике царь завершил так: «Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»⁹⁵

«Родила царица в ночь не то сына, не то дочь»

Точность — вежливость королей. В частной жизни Николай был настоящий король: всегда подчеркнуто вежлив, корректен, точен. Но вот в жизни государственной этот король всегда запаздывал.

1 марта 1917 г. опоздание ему стоило короны.

В то время, когда Рузский в салоне царского поезда уговаривал Николая дать ответственное министерство, в Думе, в кабинете председателя Родзянко, создавался «первый общественный кабинет».

То, на что в первом часу ночи на 2 марта согласился царь, выглядело так: «Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей страны»⁹⁶.

При всей неопределенности такой формулы, это было все же лучше того, что в эти часы создавалось в Таврическом дворце, потому что «первый общественный кабинет» никак нельзя было назвать ответственным министерством: будет ли новое правительство ответственным и перед кем — этот важнейший вопрос даже не ставился в те часы.

Выкидыш, который произвела революция в виде Временного правительства, оказался намного ужаснее того бесполого существа, якобы порожденного царем Салтаном.

Дума и Совет произвели на свет общественный кабинет, оказавшийся ни монархическим, ни республиканским, то есть он не был вписан ни в ту, ни в другую форму государственного правления. Получился Левиафан-уродец, который не протянул и девяти месяцев.

«Временное правительство, — вспоминал потом Гучков, — висело в воздухе, наверху пустота, внизу бездна. Создавалось впечатление какого-то акта захвата, самозванства»⁹⁷. А ведь это самозванное правительство должно было получить поддержку и монархистов, и республиканцев.

Парадокс ситуации заключался в том, что именно в тот момент, когда царь изъявил согласие поставить во главе ответственного министерства Родзянко, то есть вручить ему обширную власть, для того чтобы вывести страну из кризиса, Родзянко лишился даже той власти, которая у него была до этого в качестве председателя Временного комитета.

Если бы Родзянко был поставлен во главе кабинета, он должен был бы через законодательные палаты — Государственную думу и Государственный совет провести состав своего кабинета. Но дело заключалось в том, что список «министерства доверия» уже несколько лет с различными вариациями циркулировал в «**полуциркульных** кругах».

⁹⁵ Отречение... С. 34.

⁹⁶ КА. 1927. № 2. С. 53–54.

⁹⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 123.

Родзянко в этом списке, записанном на бланке Таврического дворца, не оказалось. Список, на три четверти **«циркульный»**, через законодательные палаты бы не прошел. Поэтому составители списка не пустили Родзянко к царю, находя проекты, разрабатываемые Ивановым в Царском Селе с правительством и законодательными палатами, неподходящими. Хотели обойтись без варианта Родзянко и без самого Родзянко.

События 28 февраля и 1 марта такую возможность предоставляли. В эти дни Временный комитет вел отчаянную борьбу с Советом за армию. Борьбу он проиграл. Гарнизон Петрограда оказался на стороне Совета, что делало его смелее. Родзянко же потерпел поражение в этой схватке и вышел из нее с репутацией слишком умеренного монархиста, никак не подходящего на роль лидера новой власти.

Недаром, когда 1 марта Н.Н. Иванов принес в Таврический дворец великокняжеский манифест, Родзянко показался ему не торжественным триумфатором, «а жалким возницей, теряющим вожжи»⁹⁸. Характерно, что великокняжеский манифест, ставший уже ненужным, Иванов передал П.Н. Милюкову, успевшему подхватить вожжи.

Милюков входил в список кабинета доверия, но к «полуциркульным» кругам не принадлежал, хотя и приглашался туда. Именно Милюков стал лидером 1 марта, но в спину ему уже дышал А.Ф. Керенский и его «полуциркульная» группа, которая выжидала удобного момента поставить подножку Милюкову и перехватить эстафету, когда он упадет.

В ночь на 2 марта в кабинете Родзянко сошлись представители Временного комитета и Исполнительного комитета Совета вместе с кандидатами создаваемого кабинета на основе списка. Оба органа можно было охарактеризовать пушкинским определением «лед и пламень».

Как вспоминал Б.А. Энгельгардт, возглавлявший Военную комиссию Совета:

«Когда определенно выяснилось, что в столице борьба со старой властью закончилась победой революции <...> в речах представителей Совета <...> послышались новые нотки, накануне и Временный комитет <...> и Совет заседали в различных кабинетах и мало общались между собой, но все же составляли как бы единый фронт, борющийся со старой властью. Теперь они обособились в два враждебных лагеря, готовых вступить в борьбу между собой»⁹⁹.

В полночь 1 марта им было нужно найти формулу сосуществования. Суть этой формулы заключалась в том, что Временное правительство, созданное на основе списка, берет на себя осуществление умеренной программы демократических преобразований, Совет же своим авторитетом дает «добро» на его образование.

Но существовал один пункт в программе Совета, который нельзя было назвать умеренным и по которому никак не удавалось договориться.

Совет стоял на республиканских позициях, но члены Исполкома понимали, что на почве республики с Временным комитетом Государственной думы договориться не удастся. Поэтому они выдвинули такую формулу: Временное правительство зовет Учредительное собрание, которое и определит будущую форму государственного правления России. Но до этих пор не будет принято никаких шагов, которые предreshали бы будущую форму правления¹⁰⁰.

⁹⁸ Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 31.

⁹⁹ Неделя. 1964. № 51.

¹⁰⁰ Суханов Н.Н. Записки о революции... Т. 1. С. 150–152; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 462–464; Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 90–93.

Ложь и правда об отречении Николая II

С этим пунктом никак не хотел согласиться Милюков. Он яро отстаивал сохранение престола за Романовыми, полагая необходимым лишь заменить Николая на Алексея.

Вообще, первому общественному кабинету полновластный монарх как таковой был не нужен, но необходимо было сохранить символы монархической власти, шапку Мономаха, под сенью которой Временное правительство могло бы пользоваться всей полнотой власти. Именно из рук Романовых хотел Милюков получить власть, которая уже почти была у него.

При варианте, предлагаемом Исполкомом, удержание этой власти становилось проблематичным. Керенский же пока молчал и, что называется, «мотал на ус». В разгар споров, когда соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета было почти заключено, когда камнем преткновения оставался лишь вопрос о будущей форме государственного правления, Родзянко отправился к телеграфному аппарату, чтобы переговорить с Рузским.

«Династический вопрос поставлен ребром»

Переговоры Рузского и Родзянко начались 2 марта в 2.30 и продолжались два часа.

Первое, что спросил Рузский, был вопрос, почему Родзянко не приехал на встречу с царем. Главком Северного фронта просил объяснить истинную причину «с **полной откровенностью**».

Однако объяснить ситуацию откровенно Родзянко не захотел. Он назвал две причины.

Во-первых, высланные с Северного фронта войска взбунтовались. Вылезли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Думе, стали отнимать оружие и решили «**никого не пропускать, даже литерные поезда**». Родзянко уверял, что принял меры, чтобы царский поезд пропустили, но за результат не ручался. Конечно, Родзянко не мог сказать, кто именно не пропускает литерные поезда из Петрограда и что его поезд не пропустил бы Н.В. Некрасов, намеченный в министры путей сообщения Временного правительства.

Во-вторых, Родзянко получил сведения, что его приезд «**может повлечь за собой нежелательные последствия**». Это был намек на подковерную борьбу во Временном комитете. Наконец, Родзянко уверял, что без его присутствия «**невозможно остановить разбушевавшиеся народные страсти**», так как до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания. Это была неправда.

Если бы исполнялись только приказы Родзянко, то гарнизон Луги, перешедший на сторону Государственной думы, должен был бы пропустить литерные поезда через эту станцию. (Противоречие в словах Родзянко скоро заметили в Ставке. В частности, Алексеев сообщил по этому поводу Данилову, что есть основания не вполне доверять словам Родзянко о Луге, ибо уже 1 марта он имел сведения, что Луга занята представителями Временного правительства, имевшими определенные инструкции не пропускать через Лугу литерные поезда¹⁰¹.)

Рузский сообщил Родзянко, что Николай ставит его во главе ответственного министерства, которое даруется, и предложил сообщить текст подготовленного манифеста с тем, чтобы он был опубликован с пометой «**Псков**». Ответ Рузский услышал, что ни царь, ни он не отдадут себе отчета в том, что происходит в Петрограде: «**Настала одна из страшнейших революций**». Родзянко пытался взять движение в свои руки, но это ему не удалось. В скором времени он сам может оказаться в крепости, потому что агитация направлена

¹⁰¹ КА. 1927. № 2. С. 65.

на все, что умерено и ограничено в требованиях. Ответственного министерства уже не достаточно. «Династический вопрос поставлен ребром». Рузский спросил, в каком же виде намечается разрешение династического вопроса? Родзянко ответил: «Грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила».

Для Рузского это был совершенно неожиданный поворот, так как он предполагал, что последует соглашение между царем и восставшим народом.

«Необходимо найти такой выход, — заявил он, — который дал бы немедленное умиротворение». Войска, посланные с фронта, возвращаются. Царь делает все для соглашения. Затем Рузский передал текст манифеста. Тут Родзянко сказал самое главное: «Я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук». Это была правда.

«Анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство»; то есть Родзянко хотел сказать: то, что Николай решил нам позволить, мы уже сами взяли без его разрешения. Поэтому манифест «запоздал», «время упущено и возврата нет». Это означало: если бы царь дал ответственное министерство 26 февраля, то все бы для него обошлось. Теперь же, когда власть сама перешла к нам в руки, Николай уже и не нужен. При этом Родзянко признал, что он молит Бога, чтобы дал сил «удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройств умов <...> но боюсь, как бы не было хуже».

Однако Рузский никак не хотел согласиться с такой постановкой вопроса. Он сказал, что насильственный переворот не может пройти бесследно. «Если анархия перекинется в армию, — пугал он Родзянко, — подумайте, что будет тогда с Родиной нашей?» Ведь конечная цель одна — «ответственное министерство перед народом». Перемены порядка управления государством можно достигнуть «нормальным путем», без потрясений.

Рузский не понимал, что ответственное министерство при Николае никак не устраивало тех, кому в руки соскальзывала власть от Родзянко, а он, идя на создание Временного правительства и навстречу тем, кто хотел управлять «без Николая», стремился удержать власть эту в своих руках, потому и вынужден был мириться с «анархией» и «расстройством умов».

Родзянко успокаивал Рузского: «переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех». Тогда «все решится в несколько дней». И «висящий на волоске», у которого власть «ускользала из рук», заявил: «Ни кровопролитий, ни ненужных жертв <...> я <...> не допущу».

Напрасно потом эмигранты обвиняли Рузского, что он чуть ли не заставил Николая отречься. Да и сам главком в первые дни после отречения пытался украсить этим «подвигом»¹⁰². Как видим, далее ответственного министерства Рузский не шел и к мысли об отречении отнесся более чем настороженно.

Рузский запросил Родзянко, следует ли публиковать манифест, которым он ставился во главе правительства, председатель не сказал «нет», и ответил уклончиво: все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. Видимо, он полагал, что публикация такого манифеста могла бы сыграть ему на руку, но только в том случае, если бы это было сделано без его санкции.

Родзянко был прав только в том, что власть ускользала из его рук. В руки же Временного правительства, в которое его не включили, в эту ночь власть как раз переходила. Члены Исполкома ее добровольно передавали, поэтому слова об анархии и расстройстве умов скорее отражали эмоциональное сожаление о власти, которая почти уже была в его руках¹⁰³.

¹⁰² Отречение... С. 142.

¹⁰³ КА. 1927. № 2. С. 56–61.

Разговор с Родзянко закончился в половине шестого утра. Уже в 5.30 Данилов передал в Ставку краткое содержание этого разговора¹⁰⁴.

Но еще раньше, в 5.25, Рузский отправил Алексееву телеграмму Николая, в которой царь разрешал опубликовать представленный манифест об ответственном министерстве, пометив его Псковом¹⁰⁵.

Однако уже в 5.30 Рузский приказал Данилову передать в Ставку, что до того, как он в 10 часов доложит Николаю о разговоре с Родзянко, было бы осмотрительней не публиковать манифест без указания царя¹⁰⁶. И так, решать должен был сам Николай.

Когда в Ставке узнали, что «династический вопрос в Петрограде поставлен ребром», Алексеев около 9.00 потребовал разбудить Николая и доложить ему о разговоре с Родзянко, «отбросив всякие этикеты»¹⁰⁷.

Генерал А.С. Лукомский, передававший распоряжение Алексеева в Псков Ю.В. Данилову, добавил, что выбора нет и отречение должно состояться. «Надо помнить, — заявил он, — что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по <...> полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война»¹⁰⁸. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

Но в Пскове не стали пороть горячку. К тому же Данилов знал, что мгновенного решения Николая не последует. Но Алексеев более всего боялся того, что в столице маятник качнется влево, и тогда одним отречением, как ранее ответственным министерством, уже не отделаешься.

Начальник штаба не стал дожидаться, пока царя разбудят и тот «определится», и в 8.52 он начал действовать совершенно самостоятельно...

«Я готов отречься»

В 10 часов утра Рузский доложил Николаю о результатах переговоров с Родзянко. Главком положил на стол перед царем запись разговора. Николай был спокоен. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, — сказал государь. — Но я опасюсь, что народ этого не поймет».

Николай заметил: старообрядцы не простят, если он изменит клятве, которую дал в день коронации, кроме того казаки обвинят его, что он бросил фронт. Царь расспрашивал подробности разговора с Родзянко, тщательно выискивая малейшую возможность ограничиться только манифестом об ответственном министерстве¹⁰⁹.

В этот момент Рузскому принесли циркулярную телеграмму Алексеева, разосланную всем главнокомандующим и отправленную главнокомандующему в 10.15¹¹⁰.

Изложив суть разговора Рузского с Родзянко, Алексеев так передавал главнокомандующим свой вывод: в войне можно победить только «при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила». Обстановка другого решения не допускает, его надо принять срочно, потому что «каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания».

¹⁰⁴ Там же. С. 63.

¹⁰⁵ Там же. С. 62.

¹⁰⁶ Там же. С. 63.

¹⁰⁷ Там же. С. 65.

¹⁰⁸ Там же. С. 75.

¹⁰⁹ Отречение... С. 160–161.

¹¹⁰ КА. 1927. № 2. С. 67–68.

Надо иметь в виду, что существование армии, то есть ее продовольствие и вооружение находятся в руках Временного комитета, он же контролирует и железные дороги. Надо удержать армию от развала, отстоять независимость России, судьбу династии. Ради этих великих целей необходимо сделать «дорогую уступку», то есть принести в жертву Николая. Алексеев предлагал главкомам, если они разделяют такой взгляд, телеграфировать свою всеподданнейшую просьбу об отречении самому Николаю. При этом Алексеев призывал «установить единство мысли и целей между главнокомандующими», чтобы спасти армию от колебаний и «измены долгу».

Другими словами, Алексеев, который после отъезда Николая из Могилева по законам военного времени рассматривался как главнокомандующий, подсказывал подчиненным ему главкомам решение и в очень мягкой форме давал понять, что, если они не согласятся с ним, это может быть квалифицировано как измена долгу.

Таким образом, организовав этот «плебисцит» главкомов, Алексеев пытался противопоставить стремлению Николая остаться любой ценой у власти высший армейский генералитет. Характерно, что Алексеев не только не испросил разрешения Николая на опрос главкомов, но, посылая телеграмму Рузскому, ясно давал почувствовать, кто был в армии хозяин в тот момент.

Что оставалось делать Николаю в этой ситуации? Он решил дожидаться ответов главкомов и отпустил Рузского до тех пор, пока не придут их ответы.

Если верить позднейшим рассказам Рузского, то и он в начале одиннадцатого часа еще не определился окончательно в этом вопросе. Но ему как главкому тоже надо было высказаться относительно телеграммы Алексеева.

В дневнике Николай так передал суть разговора с Рузским: «По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение»¹¹¹.

Поскольку Родзянко в разговоре с Рузским оперировал абстрактными понятиями «анархия», «расстройство умов»¹¹² и ни разу не назвал Петроградский Совет по имени, надо думать, что именно Рузский, уже имевший сведения о борьбе между Временным комитетом и Советом, интерпретировал события таким образом. Только отречение царя может не позволить Петроградскому Совету одержать победу в борьбе за власть. И если это так, то позиция главкома Северного фронта прочитывается однозначно: Рузский высказался за отречение. Николай же решение отложил.

Итогом утренней встречи явилось согласие царя на предложение Ставки, переданное в 1.58, вернуть войска, посылаемые Иванову с Западного и Юго-Западного фронтов¹¹³.

В 12.26 телеграмма об этом была послана Алексееву¹¹⁴. Пока же Николай принимал Рузского, Ставка разговаривала с главкомками по прямому проводу, оказывая некоторое давление на них. В частности, их уверяли, что Иванов уже отозван, чего, однако, еще не было.

Инициатива Ставки поставила их в такое положение, в котором они бы не захотели оказаться по собственной воле, и потому не спешили давать ответ, не узнав предварительно позиций главкомов других фронтов. Между тем Ставка усиливала давление на Николая.

¹¹¹ Отречение... С. 34.

¹¹² КА. 1927. № 2. С. 56, 59.

¹¹³ Там же. С. 64.

¹¹⁴ Там же.

Еще ночью в 0.25 помощник начальник штаба В.Н. Клембовский сообщил Болдыреву по прямому проводу о том, что собственный конвой Николая, оставив в Царском Селе императрицу с больными детьми, в полном составе прибыл в Думу и попросил разрешения арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании.

Более того, сама императрица выразила желание вступить в переговоры с Родзянко, а великий князь Кирилл Владимирович, командовавший гвардейским Морским экипажем, охранявшим Царскосельский дворец, пожелал лично прибыть в Думу, чтобы вступить в переговоры с Временным комитетом¹¹⁵.

Это означало ни больше ни меньше, что жена и дети императора вместе с больным наследником становятся заложниками новой власти. Во время утреннего разговора по прямому проводу А.С. Лукомского с Ю.Н. Даниловым около 9 часов Лукомский просил передать Рузскому, что «надо помнить <...> вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками». Если Николай не согласится на отречение, «то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия»¹¹⁶.

Это был сильно действующий аргумент, который мог стать и решающим для царя. Но во время утреннего доклада Рузский им воспользоваться не успел. Между тем Алексеев торопился.

В 14.30 он поспешил сообщить царю ответы трех главкомов, успевших к этому времени высказаться за отречение во имя победы: великого князя Николая Николаевича, А.А. Брусилова, А.Е. Эверта. Алексеев «умолял» принять решение «безотлагательно», но свою телеграмму закончил далеко не верноподданнической фразой: «Ожидаю повелений», которая вызвала у царя чувство горечи. Мало того, что начальник штаба превысил свои полномочия, начав опрос главкомов, не будучи уполномочен на это верховным главнокомандующим, но и требовал теперь у него незамедлительно принять решение в таком важнейшем вопросе¹¹⁷. Примерно через 15–20 минут телеграмма Алексеева была получена в Пскове.

«Готов отречься»

Около 15.00 Рузский представил телеграмму царю вместе со своим комментарием в духе пожеланий Алексеева. Царь возразил: «Но я не знаю, хочет ли этого Россия». Рузский заметил: «Заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой, что всякое промедление грозит непоправимыми последствиями»¹¹⁸.

В подтверждение своих слов Рузский предложил выслушать генералов штаба Северного фронта С.С. Савича и Ю.Н. Данилова, которых пригласил, чтобы царь услышал голос простых генералов. Характерно, что Рузский и Николай вели беседу сидя в табачном дыму, затягиваясь папиросами. Генералы же в присутствии царя курить не осмеливались, хотя им это было позволено. Стояли навытяжку, но как по команде высказались за отречение.

Вместе с телеграммой Алексеева Рузский представил царю и запись утреннего разговора Клембовского с Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе кон-

¹¹⁵ Там же. С. 54.

¹¹⁶ Там же. С. 75.

¹¹⁷ Там же. С. 72–73.

¹¹⁸ Отречение... С. 197.

воя на сторону Думы, поведении Кирилла Владимировича. Как свидетельствовал потом Данилов, для государя «это был очень печальный факт»¹¹⁹. Видимо, он и предрешил дальнейшую тактику Николая.

После тягостного молчания Николай, перекрестившись, объявил, что он принял решение отречься. Тем не менее царь вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способов сохранить ее и спасти свою семью.

Отпустив Рузского с его свитой, Николай составил телеграмму Алексееву. Ведь именно он прежде всего «ожидал повелений». Телеграмма гласила: «Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой Родины я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай»¹²⁰.

Как видим, царь сообщал о своей готовности отречься, а не о том, что отрекается. В этом конечно же был определенный расчет: выиграть время, потом дожидаться успокоения, а дальше будет видно. К тому же царь надеялся, что армия мыслит совсем не так, как думские лидеры и генералы в Ставке.

Примерно в таком же духе была составлена и телеграмма Родзянко о готовности отречься. В ней говорилось: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия»¹²¹.

Это существенное «добавление» меняло смысл предыдущей телеграммы. Формула, которую изобрел Николай, означала: малолетний сын-император остается при отце, а значит, и при матери, и, несмотря на рокировку, власть по сути дела находится в тех же руках. И только на этих условиях царь готов отречься.

Когда Рузский ознакомился с текстом телеграммы, он сразу же заметил, что в ней ничего не говорится о регентстве Михаила. На клочке бумаги он написал, как нужно дополнить текст.

В телеграмме появилось еще одно дополнение: «при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича»¹²². Это дополнение делало телеграмму абсурдной. Если сын-император остается при отце, сохраняющем свою власть, то власть регентства превращается в фикцию.

Николай прекрасно понимал, что делал. Сообщая о своей готовности «принести жертву», царь, однако, не собирался ехать к плененной семье, а намеревался прежде всего показаться войскам в Могилеве в Ставке.

В 16.50 уже знали о том, что царский поезд стоит в сторону Двинска, а начальник эксплуатационного отдела Северо-Западных дорог отдал распоряжение по линии об отправлении литерных поездов в этом направлении¹²³.

Когда Рузский вышел из поезда Николая с телеграммами в руках, ему передали телеграмму А.И. Гучкова о том, что он вместе с В.В. Шульгиным едет в Псков¹²⁴.

Телеграмма была адресована Рузскому, для того чтобы телеграфисты не узнали о цели визита, Гучков сообщил только то, что он едет для переговоров по важному делу, но не упомянул, с кем именно эти переговоры должны вестись.

Приезд Гучкова менял ситуацию. Поэтому, когда Рузский, вернувшись, доложил царю о телеграмме, Николай решил телеграмму Родзянко задержать до их приез-

¹¹⁹ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 229.

¹²⁰ Отречение... С. 240.

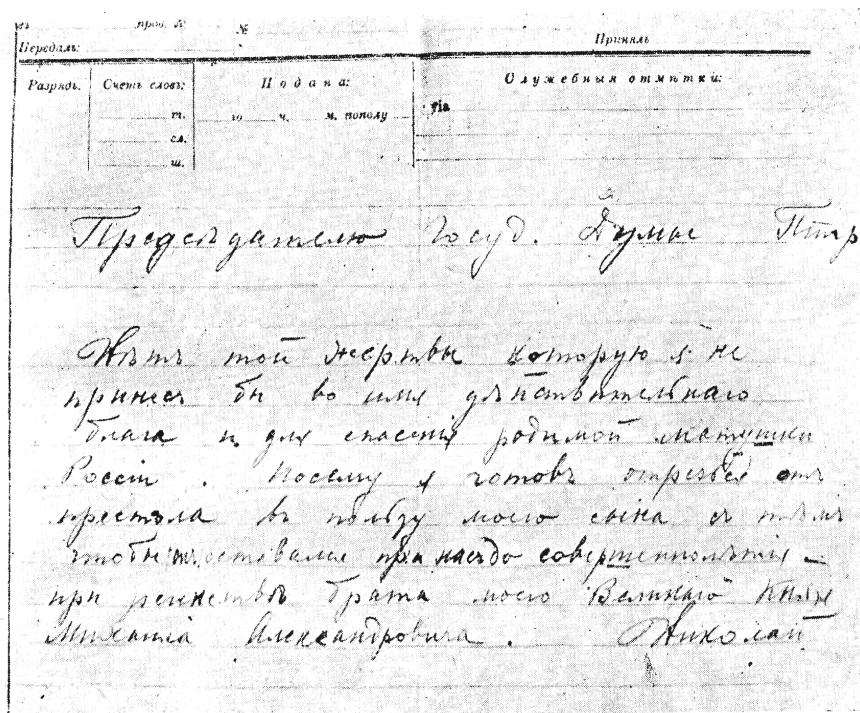
¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ КА. 1927. № 2. С. 77.

¹²⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 182.

Факсимиле неотправленной телеграммы бывшего государя об отречении.

да, а телеграмму Алексееву не посылать вовсе. Вскоре Николай передумал и велел Рузскому вернуть и телеграмму Родзянко. Рузский уговорил Николая разрешить оставить телеграмму у себя, пообещав не отправлять ее. Телеграмма ему была нужна для встречи с Гучковым. Это произошло в 15 часов 45 минут¹²⁵.

В 16.30 Данилов телеграфировал Алексееву: «Государь-император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским <...> выразил, что нет той жертвы, которой его величество не принес бы для истинного блага родины»¹²⁶. Об отречении здесь не говорилось ни слова. Это значило — «ожидаящий повелений» Алексеев официального ответа царя не получил.

Тогда начальник штаба решил подключить мать Николая императрицу Марию Федоровну. Он приказал обрисовать ей обстановку и сообщать обо всем, что будет происходить¹²⁷.

Алексеев знал, что Николай был или, вернее сказать, старался быть хорошим сыном. Поэтому начальник штаба надеялся через Марию Федоровну оказать дополнительное давление на царя.

Опасаясь каких-нибудь движений в пользу Николая ввиду публикации манифеста об отречении, Ставка в 17.18 передала приказ принять меры для «избежания эксцессов»¹²⁸.

¹²⁵ Отречение... С. 161.

¹²⁶ КА. 1927. № 2. С. 77.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 77.

В 18.00 из Пскова попытались успокоить Ставку: мол, действительно вначале у Николая возникло желание отправиться в Могилев, но эта мысль была составлена после того, как Рузский доложил о предстоящем приезде Гучкова и Шульгина¹²⁹.

Между тем Алексеев стал готовить манифест Николая об отречении в пользу сына при регентстве Михаила. Он поручил подготовить проект Н.А. Базили и А.С. Лукомскому. (В 1963 г. вдова Базили передала в архив Гуверовского института в США черновики проекта. Они-то и позволяют проследить все этапы работы над манифестом об отречении¹³⁰.)

В 19.40 проект был уже готов и тогда же передан Алексеевым по телеграфу Данилову для передачи Николаю на случай, если император «соизволил принять решение».

Характерно, что в переданном проекте содержался лишь текст манифеста, без обычной для документов такого рода преамбулы. Базили был опытным чиновником. Он являлся заместителем директора канцелярии министра иностранных дел, а в Могилеве возглавлял дипломатическую канцелярию Ставки.

Предварительно Базили написал для Алексеева записку, в которой объяснил, что Основные законы Российской империи случая отречения императора от престола не предусматривают. Но члены императорской фамилии могут отказаться от своего права на наследование, и царствовавший монарх имеет на это не меньше прав, чем все прочие.

Согласно установленному порядку престолонаследия престол должен перейти к старшему сыну царя, то есть к Алексею. На этом основании в проект манифеста была введена следующая фраза: «В соответствии с установленными Основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему».

Но это был манифест не только об отречении от престола. Суть этого документа заключалась в следующем. Чтобы облегчить народу... тесное единение и сплочение всех сил народных, царь для победы над внешним врагом передавал престол несовершеннолетнему сыну и заповедовал ему, равно как и регенту Михаилу, «**править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут им установлены**»¹³¹.

Это означало, что царь не только отрекается, но и дает обещание ввести конституцию за своего преемника, то есть провозглашалось отречение как от престола, так и от самодержавия.

Если бы Николай принял эти условия, то присланный проект еще следовало бы соответствующим образом оформить, придав ему вид манифеста. Есть свидетельство С.С. Савича о том, что в ближайшем окружении царя обсуждался вопрос о том, «**как оформить детали, связанные с актом отречения**»¹³².

Вопрос этот задавал В.Б. Фредерикс, министр императорского двора, командовавший императорской главной квартирой. Ему ответили, что присутствовавшие в этом не компетентны, поэтому лучше всего ехать в Царское Село и там «**все оформить со сведущими лицами**».

Важно отметить, что и дворцовый комендант Воейков, зять Фредерикса, вовсе не считал телеграмму достаточной для того, чтобы отречение состоялось. Он полагал, что должен быть оформлен акт отречения.

Но Николай не спешил оформлять акт. Царь выжидал.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Swokowski W. The authorship of the abdication document of Nicholas II // The Russian Review. 1971, N 30. P. 227–286.

¹³¹ КА. 1927. 1927. № 3. С. 7.

¹³² Отречение... С. 198–199.

Нужна царская санкция

Когда Родзянко вернулся в свой кабинет после разговора с Рузским, переговоры с Исполкомом Совета закончились ничем. Наметившиеся было соглашения расстроились из-за нерешенного вопроса о форме правления.

Разошлись с тем, чтобы завтра в 15 часов встретиться вновь и продолжить прения. Незадолго перед этим в кабинете Родзянко появился А.И. Гучков.

В общественном кабинете ему отводился пост военного и морского министра. Его кандидатура была встречена представителями Исполкома без энтузиазма. Гучков же был крайне недоволен тем, что вновь создаваемая власть оказалась «под колпаком» у Совета. На таких условиях Гучков отказывался войти в «первый общественный кабинет» потому, что у него не будет свободы рук. Собственно, Гучков и сорвал наметившиеся соглашения¹³³. Решение было отложено до завтра.

Пожалуй, из всех членов общественного кабинета Гучков острее всех сознавал его самозванческий характер. Хотя кандидатура премьера, состав правительства и его программа были согласованы между Временным комитетом и Исполкомом, Гучков отлично понимал, что Временное правительство оставалось «без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу»¹³⁴. Поэтому проблемой № 1 первого общественного кабинета будет проблема легитимизации своей власти.

В новой организации государственной власти Николаю места уже не оставалось. Но Гучков понимал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы новая власть низложила царя. Нужна была преемственность от старой власти. Нужна была санкция монарха на легитимный царский титул.

Самое отречение царя, как это ни покажется странным, на первый взгляд имело второстепенное значение. Николай лишился власти не от того, что подписывал какую-то бумажку, потому что в тот момент, когда царь поставил бы свою подпись под отречением, никакой власти в его руках уже не было. Нужна была такая формула, которая позволила бы общественному кабинету в ранее заготовленном списочном составе твердо встать на ноги.

Тактика Милюкова строилась на том, что первый общественный кабинет будет действовать при номинальном монархе. Более всего такой установке отвечала комбинация, при которой Николай отрекается от престола, регентом объявляется великий князь Михаил, а наследником провозглашается Алексей.

Когда Родзянко, не получив поезда до станции Дно, предполагал поехать в Псков, он, видимо, уже переориентировался на милюковский вариант.

Во всяком случае, С.И. Шидловский в своих воспоминаниях утверждал, что собирался ехать вместе с Родзянко за отречением. Но в дело вмешался Н.С. Чхеидзе. Он заявил, что Родзянко не сможет поехать, пока ему, Чхеидзе, не станет известно содержание документа, который председатель собирается представить царю на подпись¹³⁵.

В связи с этим был подготовлен черновик манифеста об отречении. Шидловский полагал, что автором его, по всей видимости, являлся Милюков. В действительности этот черновик, написанный на бланке Таврического дворца, принадлежал В.В. Шульгину¹³⁶.

¹³³ *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г... С. 101–104; *Милюков П.Н.* Воспоминания... С. 463.

¹³⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 63.

¹³⁵ *Шидловский С.И.* Воспоминания... Ч. II. С. 83.

¹³⁶ Отречение... С. 222.

Чхеидзе забрал этот черновик с собой и только поздно ночью заявил, что даст согласие на поездку Родзянко, если он сам поедет с ним. При этом он подчеркнул, что Совет может дать согласие только на отречение Николая, но ни в коем случае на передачу престола Алексею и установление регентства Михаила.

Но эти условия не были приемлемы для Родзянко. Тот, кто собирался перешагнуть через Милюкова и не лишиться поддержки Совета, должен был идти «левее» милоковской формулы. Следующим пунктом в движении по этому направлению была бы передача престола из семьи Николая и Александры в совершенно другую семью — Михаила, которая не имела на престол даже формальных прав.

За этим собирался Гучков отправиться в Псков, за двести километров от Петрограда. Чтобы добыть законный царский титул, добровольно переданный, более всего в «сотоварищи» подходил В.В. Шульгин, имевший репутацию монархиста.

Чтобы операция прошла успешно, Гучков решил выехать из Петрограда под предлогом переговоров относительно карательной операции Иванова. (Н.В. Рузский утверждал: между прочим, в телеграмме, полученной в штабе Северного фронта, говорилось о том, что Гучков и Шульгин «в 3 часа 35 минут выехали во Псков»¹³⁷. Если время указано верно, то это значит, что телеграмма была отправлена либо из Александровской, где Иванов должен был ожидать подъезжающие войска, либо из Гатчины. Однако Рузскому, намеренно сдвигавшему хронологию событий, чтобы они соответствовали официальной версии отречения, верить нельзя.) Об истинной цели поездки Совет рабочих депутатов не знал.

Между тем после ночных переговоров Исполкома и Временного комитета настроения в Совете стали изменяться. Выиграв борьбу за армию, Совет стал решительнее, настроения радикализировались. Это отчетливо проявилось во второй половине дня 2 марта.

«Первая общественная инвеститура» Левиафана

В Екатерининском зале Таврического дворца несколько часов подряд шел непрерывный митинг.

Около 15 часов дня П.Н. Милюков как лидер новой власти решил выйти к собравшимся и формально объявить об образовании общественного кабинета. «Это был первый официальный акт, — вспоминал потом Милюков, — который должен был доставить новой власти, так сказать, общественную инвеституру»¹³⁸. Первый блин вышел комом. Когда Милюков объявил о создании правительства, послышались голоса: «Кто вас выбрал?» Вопрос этот был не в бровь, а в глаз, потому что, по сути дела, члены в общем-то самозванного правительства сами себя выбрали. Милюков не растерялся и ответил: «Нас выбрала русская революция». Митингующая толпа отозвалась шумными и продолжительными аплодисментами.

Происхождение правительства Милюков объяснил так: «В ту минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно известна народу своим политическим прошлым и против которой не могло быть и тени возражений».

Милюков отлично понимал, что его ответ был неубедителен, потому что «могучая кучка» оставалась только кучкой до тех пор, пока она не была вписана в определенное государственное устройство. Когда же из толпы стали раздаваться вопросы относительно этого устройства, Милюков потерпел фиаско.

¹³⁷ Там же. С. 144.

¹³⁸ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 464.

На вопрос: «А династия?» — Милюков ответил, что старый деспот добровольно откажется или будет низложен. Раздались аплодисменты. Затем Милюков заявил: «Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу». На это зал отреагировал так: «Продолжительные негодующие крики». Послышались возгласы: «Да здравствует республика», «Долой династию». Раздались жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодования. «Наследником будет Алексей», — продолжал Милюков, слышались крики: «Это старая династия»¹³⁹.

Попытка провести свою линию, которую накануне он так яростно отстаивал во время переговоров, встретила резкое противодействие. Попытка явочным порядком протолкнуть этот важный пункт не удалась. Милюкову, запустившему этот пробный шар, пришлось срочно ретироваться.

Вначале Милюков попытался объяснить, что сейчас не время спорить, надо сразу решить, иначе вспыхнет гражданская война. Но тут же Милюкову пришлось сделать разворот на 180 градусов и заявить: «В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания».

Хотя речь для Милюкова закончилась как будто бы триумфально: его стали качать и на руках вынесли из зала, он совершил серьезнейший политический просчет. Именно с этой минуты его власть как лидера нового правительства начала постепенно таять.

Подобно Родзянко в эти минуты он прошел экватор своей политической популярности, а его авторитету лидера был нанесен непоправимый ущерб. Тот, кто хотел поставить подножку новому лидеру, получил хорошую точку опоры.

На следующий день «Ивестия», публикуя речь Милюкова, поместили сообщение о том, что в ответ на запрос представителей некоторых общественных и военных организаций Милюков указал, что слова о временном регентстве великого князя Михаила и наследовании Алексея являются его личным мнением.

В этом же номере была помещена заметка «Регентство и Учредительное собрание». В ней говорилось: Милюков признал, что это его частное мнение, было бы гораздо лучше, если бы он «радикально пересмотрел и преодолел эту точку зрения как чисто личное убеждение»¹⁴⁰. В редакцию «Ивестий» входили Н.Н. Суханов и Ю.М. Стеклов, члены Исполкома, участвовавшие в ночных переговорах с Временным комитетом об организации власти¹⁴¹.

Тот, кто во Временном правительстве хотел занять место Милюкова как лидера, должен был иметь в виду, что надо «пересмотреть и преодолеть». И Родзянко и Керенский сделали это в тот же день, самый «принципиальный» Милюков стал «республиканцем» через неделю. И в этом он так же опоздал, как опоздал Николай, подписывая телеграмму об ответственном министерстве.

А Гучков с Шульгиным выехали в Псков. Хотя локомотив двигался в юго-западном направлении, их поезд шел на восток, «Великий Восток народов России».

К сожалению, мы не знаем точного времени, когда Милюков произносил свою ставшую печально знаменитой речь. По всей видимости, когда он закончил, Гучков и Шульгин были уже в пути. Но по дороге они несколько раз пользовались телеграфными аппаратами на станциях следования и получали последние новости из Петрограда.

¹³⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. Пг., 1924. С. 34.

«Мы в совершенстве знаем друг друга»

«Государыня все время находится в истерике. У наследника температура 39 — корь», — с каким-то самодовольным злорадством писали новорожденные «*Известия Петроградского Совета рабочих депутатов*» 2 марта¹⁴².

Действительно, у больного ребенка в тот день была высокая температура. Но его мать императрица Александра Федоровна отнюдь не билась в истерике. Она искала пути связаться с мужем.

Вначале государыня хотела использовать аэроплан, но погода не позволила, да и в тот момент не оказалось нужных людей под рукой.

Тогда Александра написала письмо Николаю и велела казаку зашить его под лампасами. Этот человек должен был пробраться в Псков и увидеться с государем.

«Все отвратительно, — писала Аликс, — и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю и ничто не поколеблет этой веры — все будет хорошо», — пыталась она поддержать мужа. «Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мною, прежде чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сделать?.. Может быть, ты покажешься войскам в других местах и соберешь их вокруг себя? Если они тебя принудят к уступкам, то ни в каком случае ты не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным образом». Александра Федоровна мыслила логично и практически. «Два течения — Дума и революция — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы. Это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает <...> я не могу ничего советовать, только будь самим собой. Если принудят покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них»¹⁴³.

Как видим, Аликс трезво оценивала ситуацию, была хорошо осведомлена и намечала единственный выход из создавшегося положения: подписать все, что заставят, а потом показаться перед войсками. Противоборство Думы и Совета даст шанс вернуть упущенную власть. Юридически все подписанное Николаем не будет иметь силы, потому что он поставил свою подпись не по доброй воле, а по принуждению.

Хотя казак не смог связаться с Николаем и царь не прочитал мыслей своей обожаемой жены, но как писала Аликс в письме, составленном на следующий день: «Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов».

Александра Федоровна была абсолютно права. Николай II не только мыслил, но и поступал точно так же.

Как мышь в западне

После речи Милюкова в Екатерининском зале, провозгласившей создание первого общественного кабинета, Временный комитет поспешил обеспечить новому правительству военную поддержку.

Для этого было решено назначить главнокомандующим Петроградским военным округом боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Выбор пал на командира 25-го армейского корпуса генерала Л.Г. Корнилова, героя войны.

Не позднее 18.55 в Ставке была получена телеграмма Родзянко на имя Алексеева. В ней председатель сообщил: Временный комитет, образовавшийся для восстанов-

¹⁴² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

¹⁴³ Переписка... С. 232.

Ложь и правда об отречении Николая II

ления порядка, был «принужден» взять власть в свои руки ввиду того, что старая власть не приняла никаких мер для успокоения и поэтому была устранена. В настоящее время власть будет передана Временным комитетом Временному правительству, образованному под председательством Г.Е. Львова.

«Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске (т. е. на фронте. — М.С.), а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть». Для установления «полного порядка» и спасения столицы «от анархии» Родзянко приказывал срочно командировать в Петроград генерала Корнилова на пост главнокомандующего военным округом¹⁴⁴.

В 17.55 в Могилев пришла телеграмма начальника Главного штаба генерала Аверьянова, которая разъясняла истинное положение дел в столице и как бы обнажала подноготную приказа Родзянко.

По словам генерала, Временный комитет делает все от него зависящее, чтобы «удержать войска от перехода на сторону крайне левой рабочей партии» и подчинить их своим офицерам, но эти усилия

«разбиваются энергичной пропагандой Совета рабочих депутатов. Хотя между Советом и Временным комитетом достигнуто соглашение о необходимости сохранения порядка в войсках, но соглашение это ненадежно. Разрушительная работа среди войск продолжается. Поэтому-то и необходимо немедленно командировать в столицу Корнилова для спасения Петрограда “от анархии и террора”, для того, чтобы “дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй”»¹⁴⁵.

Назначение Корнилова означало бы смещение с этой должности генерала Иванова. В это время Иванов находился на станции Сусанино. Встретившись с Александрой Федоровной в ночь на 2 марта, генерал отвел свой батальон в Вырицу. Затем по дороге на станцию Александровская, где Иванов рассчитывал встретить 67-й полк, он получил телеграмму Бубликова о том, что его поездка помешает Николаю доехать до Царского Села.

Тут его поезд поставили в тупик под предлогом освободить путь другому поезду. Прождав 6 часов и поняв, что железнодорожники выполняют чьи-то инструкции, Иванов пробовал возмущаться. Но Бубликов телеграммой пригрозил, что его поезд будет обстрелян. Так бесславно окончилась генеральская эпопея Иванова. Была какая-то ирония в том, что готовый отдать жизнь за царя Иванов потерпел фиаско на станции Сусанино¹⁴⁶.

В 18.55 телеграмма Родзянко была переслана Алексеевым в Псков¹⁴⁷. При этом начальник штаба просил разрешения отозвать Иванова обратно в Могилев.

В 20.15 по прямому проводу из Ставки обратились с просьбой к дворцовому коменданту Воейкову ускорить назначение Корнилова¹⁴⁸. Это обращение мотивировалось тем, что «среди раз изменивших войск идет усиленная, безуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице».

В 20.20 телеграмму Алексеева наконец отправили Николаю.

В 21.00 после доклада Воейкова царь наложил на телеграмме резолюцию: «Исполнить».

¹⁴⁴ КА. 1927. № 3. С. 9.

¹⁴⁵ Там же. С. 6–7.

¹⁴⁶ Сидоров А.Л. Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 101–109.

¹⁴⁷ КА. 1927. № 3. С. 9.

¹⁴⁸ Там же. С. 8–9.

В 21.20 Данилов телеграфировал об этом Алексееву, а в 21.40 Рузский — Родзянко¹⁴⁹.

Власть Николая как Верховного главнокомандующего русской армией таяла на глазах. Согласившись на замену Иванова Корниловым, царь как бы расписывался в том, что прерогатива выбора кандидата на должность главнокомандующего военным округом столицы ему уже не принадлежит, а находится в руках новой власти.

В 20.20 Рузскому передали проект манифеста об отречении, выработанный в Ставке¹⁵⁰. К сожалению, мы не знаем, когда он был представлен Николаю. Источники об этом молчат.

2 марта царь беседовал с лейб-хирургом С.П. Федоровым о здоровье царевича Алексея. Точно не известно, когда именно состоялась эта беседа. Воейков свидетельствовал, что это было перед обедом, т. е. около 9 часов вечера¹⁵¹.

Обычно этому разговору придают решающее значение. Он будто бы побудил Николая отречься в пользу брата. Царь якобы узнал, что цесаревич очень болен, и поэтому решил не расставаться с сыном. Поскольку же он понимал, что при малолетнем государе его не оставят, то решил передать престол брату.

Думается, Николай хорошо был осведомлен о состоянии здоровья сына, и ничего нового Федоров не мог сообщить ему в эти часы. Хорошо знал Николай порядок престолонаследия, установленный еще Павлом I в 1797 г.

Царю было известно, что он не может отречься в пользу кого бы то ни было. В случае если он откажется от престола (хотя такой случай и не предусматривался законом), престол автоматически должен перейти к Алексею.

Поэтому царь, видимо, обдумывал такой вариант, при котором формальный переход престола к сыну не лишал бы его самого, т. е. Николая, реальной власти. Не случайно в телеграмме, которую Николай собирался отослать Родзянко после 15 часов, говорилось о том, что он готов отречься в пользу сына «с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия».

Очевидно, именно такое решение требовало обстоятельной мотивации. Одних отцовских чувств здесь было недостаточно. Необходимо было подкрепить такое решение необходимостью не разлучаться с больным ребенком по медицинским соображениям. Именно поэтому Николай и стал консультироваться с Федоровым.

Однако прибегнуть к этой уловке, чтобы сохранить власть в руках, не понадобилось. Гучкова и Шульгина ожидали в Пскове к 19 часам, но они приехали только в 9 часов вечера, задержавшись в Луге.

«Есть в России город Луга»

После того, как Рузский вышел из вагона Николая, доложив царю телеграмму об отправлении в Псков Гучкова и Шульгина, в штабе Северного фронта состоялся примечательный разговор по прямому проводу между двумя полковниками, Карамышевым и Барминым. Карамышев представлял Псков, Бармин — Могилев.

«Карамышев. Имею сведения, что Гучков собирается выехать, но уже раз нас так обманули: вместо депутации с Бубликовым оказался один только член Думы Лебедев, который сидит в Луге. Сейчас наведем справку.

Бармин. А о литерных поездах вы ничего не знаете?

Карамышев. Десять минут [назад] вышел из литеры А главкосев. (т. е. из поезда Нико-

¹⁴⁹ Там же. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 7–8.

¹⁵¹ *Воейков В.Н.* С царем и без царя... С. 184.

Ложь и правда об отречении Николая II

лая вышел Рузский. — М.С.). Второй экстренный поезд из Петрограда вышел в 2.47. Ожидается у нас между семью и восемью, с ним едет Гучков».

Далее Карамышев сообщил, что посланный Иванову 67-й полк остался лояльным. Его решено вернуть на фронт окружным путем, чтобы избежать «могущего быть конфликта при проходе через Лугу, где 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону». На вопрос Бармина, где находятся эшелоны, не дошедшие до Луги, Карамышев ответил, что 68-й полк и батарея оказались между Лугой и Псковом.

Бармин. А как же вы только что сказали, что 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону?

Карамышев. Сейчас объясню, как это случилось. Меня зовет по телефону из Луги правительственный инспектор Некрасов. Сию минуту переговорю и вернусь к вам.

Бармин. Жду.

Карамышев. Сию минуту Некрасов передал из Луги, что поезд Гучкова опаздывает на час. Батарею и третий эшелон 68-го полка уже повернули из Серебрянки и Плясы к нам на Псков, а два эшелона, задержанные в Луге раздачей возвращаемого оружия, будут направлены вскоре тоже на Псков.

Бармин. Опять не понимаю, кто же перешел к Лужскому гарнизону и кому и кто возвращает оружие?

Карамышев. Лужский гарнизон, признавший новое правительство, образовал военный комитет, который при переходе первых двух эшелонов 68-го полка обезоружил их, а третий эшелон до Луги не дошел. Вот и получилась задержка возвращения двух первых эшелонов, которым постановлением комитета возвращено оружие.

Бармин. Значит, никто и не переходил на их сторону?

Карамышев. Об этом обещали подробнее рассказать по прибытии эшелонов из Луги в Псков. По телефону стесняются.

Бармин. Так скажите же сейчас, когда узнаете, об отправлении литерных.

Карамышев. Хорошо. Я полагаю, когда приедет Некрасов с экстренным поездом, все разъяснится, и я доложу»¹⁵².

Итак, непонятные действия 68-го полка в Луге, где располагался небольшой гарнизон, в котором, кроме автомобильных частей, не было боеспособных элементов. На самом ответственном участке находился правительственный инспектор А.А. Некрасов, на поезде Гучкова он затем приехал в Лугу, где ранее ожидалась депутация Бубликова.

Совершенно очевидно, что Некрасов, контролировавший путь на Псков, мог не пропустить туда Гучкова с Шульгиным, как не пропустили туда ранее Родзянко, их поездка была возможна лишь в том случае, если цели Гучкова и Некрасова совпадали бы.

А.Ф. Керенский в ранней редакции своих мемуаров рассказал о том, что после милоковской речи Исполком Совета потребовал от него объяснений относительно проекта регентства. Керенский признался, что посвящен в этот проект, но заверил, что он потребует от правительства отказа от проекта или пригрозит своей отставкой.

Исполком тогда решил послать в Псков собственную делегацию. Делегаты, по словам Керенского, выехали в 16 часов¹⁵³. Думается, этот важный эпизод, о котором впоследствии Керенский предпочитал не вспоминать, многое проясняет в истории отречения. Он позволяет понять, что за делегацию Бубликова ожидали в Пскове, о чем переговаривались Карамышев и Бармин, и почему в Луге оказался Некрасов, и в

¹⁵² КА. 1927. № 3. С. 12.

¹⁵³ *Kerenski A.* La Revolution Russe (1917). Paris, 1928. P. 71.

вагоне Гучкова и Шульгина, когда они приехали на станцию назначения, находились какие-то другие люди¹⁵⁴.

Поезд Гучкова и Шульгина прибыл в Псков с опозданием на два-три часа. Они останавливались в Гатчине, где пытались вступить в контакт с Ивановым. Гучков телеграммой предлагал встретиться по пути. Бубликов приказал разобрать стрелку в Гатчине¹⁵⁵.

«В Луге нас опять задержали, — рассказывал Шульгин корреспонденту газеты «Утро России» 5 марта (интервью было опубликовано два дня спустя), — ибо собравшиеся толпы войска и народа просили А.И. Гучкова сказать несколько слов»¹⁵⁶.

Но не митинговать останавливались в Луге Гучков и Шульгин. Из Петрограда они выехали вдвоем, их сопровождали только два инженера-железнодорожника. В Псков же Гучков и Шульгин приехали уже в сопровождении солдат с красными бантами.

Но, пожалуй, самое интересное, что кроме них в вагоне находились какие-то «делегаты». На Воейкова произвело сильное впечатление, что эти делегаты раздавали листовки и митинговали с публикой. Воейков полагал, что это были делегаты Совета. Знакомый проводник сообщил Воейкову, что хозяевами положения в вагоне-салоне были как раз «депутаты», которые не считались с Гучковым и Шульгиным¹⁵⁷.

Вряд ли проводник, да и Воейков тонко разбирались в том, кого представляли эти люди. Но присутствие Некрасова, который делегатом Совета не являлся, в экстренном поезде, прибывшем в Псков, говорит само за себя. Одновременно с экстренным поездом по шоссе же из Луги на Псков двигались автомобильные части. «Депутаты» привезли с собой и свежий номер «Известий».

Николай Последний

Так «Известия» 2 марта 1917 г. окрестили еще царствующего монарха. В статье «Может ли остаться династия Романовых» говорилось: «Если власть вручена монарху, хотя бы и конституционному, и его ответственному министерству, то последний может совершить новое покушение на свободу народа <...> кроме того, при конституционной монархии сохраняются привычки наследства, что может привести опять к власти лиц, подобных Николаю Последнему». Вывод статьи гласил: победившему народу нужна республика¹⁵⁸.

Когда Гучков и Шульгин прибыли в Псков, на платформе их уже ожидал полковник А.А. Мордвинов. Он сразу же провел приехавших в царский поезд. Рузский находился в этот момент в своем вагоне, и хотя он распорядился, чтобы приехавших вначале отвели к нему, однако Николай перехватил инициативу в свои руки.

Когда Рузский пришел в царский вагон, посланцы Петрограда уже некоторое время говорили с царем с глазу на глаз. Сколько времени продолжался этот разговор, точно не известно. Важно отметить, что Рузский войти к государю запросто, как об этом рассказывается в ряде мемуаров, не мог. Этикет еще соблюдался, и явиться на аудиенцию к императору главкосев мог только тогда, когда его туда приглашали.

Как свидетельствовал Данилов в своих воспоминаниях, увидев, что Гучкова и Шульгина провели сразу к царю, Рузский сказал: «Ну что же <...> у нас нет никаких тайных соображений, чтобы попытаться изменить установленный сверху порядок встречи <...>

¹⁵⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 184.

¹⁵⁵ Сидоров А.Л. Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде... С. 108.

¹⁵⁶ Отречение... С. 169.

¹⁵⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя... С. 186.

¹⁵⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

Ложь и правда об отречении Николая II

Теперь же подождем здесь, пока за нами пришлют”. Через некоторое время мы, не помню теперь через кого, получили приглашение государя пройти к нему в вагон»¹⁵⁹.

Зато Шульгин рассказывал много и охотно. 5 марта он дал интервью газете «*Утро России*», изложив версию, которая стала официальной¹⁶⁰. В августе 1917 г. Гучков давал разъяснения Чрезвычайной следственной комиссии, которая расследовала обстоятельства падения старого режима¹⁶¹. Затем в эмиграции Шульгин опубликовал свои обширные воспоминания¹⁶². В них он учел все вопросы, которые следователи ставили перед Гучковым, и постарался снять выявленные в ходе допроса противоречия официальной версии.

В 1936 г. в парижской газете «*Последние новости*» был опубликован рассказ Гучкова об отречении. Кроме того, незадолго перед смертью Гучков отвечал на вопросы об отречении Н.А. Базили, стенографировавшего его ответы¹⁶³.

Но то, что они рассказывали, противоречит тем сведениям, которые идут не от них и достоверность которых не подлежит сомнению.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона царя, начальник штаба Северного фронта Ю.Н. Данилов 3 марта в 1.00 послал официальную телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву: «Его величеством подписаны указы правительствующему Сенату о бытии председателем Совета министров князю Г.Е. Львову и Верховным главнокомандующим <...> великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил затем (курсив автора. — М.С.) подписать акт отречения от престола <...> Манифест и указы передаются дополнительно»¹⁶⁴.

В 2.57 Алексеев передал текст телеграммы Данилова в Тифлис великому князю Николаю Николаевичу¹⁶⁵, а в 3.19 начал рассылку ее всем главнокомандующим¹⁶⁶. При этом Алексеев добавлял, что по получении по телеграфу манифеста он должен быть немедленно разослан по телеграфу по армиям и напечатан.

4 марта «*Известия*» на первой полосе поместили заголовок «Отречение от престола». Далее следовало: «Николай II назначил князя Львова министром-президентом. Телеграмма от начальника штаба Северного фронта генерала Данилова».

Затем было помещено изложение текста телеграммы Алексеева всем главнокомандующим, пересказывающее телеграмму Данилова. Только после этого шло сообщение об отречении царя и воспроизводился текст манифеста, переданный по телеграфу. Текст этот был передан командующим флотом Балтийского моря вице-адмиралом А.И. Непениным¹⁶⁷.

Столь странный «маршрут» манифеста из Пскова в Кронштадт, а потом в Петроград в редакцию «*Известий*» не должен удивлять.

Как свидетельствовал Рузский в разговоре с Родзянко, 3 марта в 8.45 об указах о назначениях Львова и великого князя Гучковым и Шульгиным «сообщено было вчера очень широко <...> даже в Москву»¹⁶⁸, а вот манифест распространять не спешили.

¹⁵⁹ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания... С. 237.

¹⁶⁰ Отречение... С. 169–172.

¹⁶¹ Падение царского режима. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 266–277.

¹⁶² Отречение... С. 173–187.

¹⁶³ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 25–123.

¹⁶⁴ КА. 1927. № 3. С. 16.

¹⁶⁵ Там же. С. 17.

¹⁶⁶ Там же. С. 17–18.

¹⁶⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

¹⁶⁸ Там же. С. 29.

Более того, выйдя из вагона-салона, Гучков и Шульгин послали телеграмму начальнику Главного штаба генералу Аверьянову (к сожалению, время отправления на бланке не обозначено), в которой говорилось о том, что поручение образовать новое правительство дается Львову, Верховным главнокомандующим назначается Николай Николаевич. *«Манифест следует»* (курсив автора. — М.С.) немедленно¹⁶⁹.

Итак, вначале указ о назначении Львова председателем Совета министров (заметим, что сохранено название органа, бывшее в употреблении до революции), помеченный 14 часами, то есть за час до того, когда Милюков объявил в Екатерининском зале о создании «первого общественного кабинета», и только потом манифест об отречении, подписанный якобы в 15 часов.

Характерно, что в газетном интервью, данном Шульгиным по возвращении из Пскова, он ни словом не обмолвился об указе о назначении Львова.

Это и понятно, необходимо было создать впечатление, что Николай поставил Львова во главе правительства сам по себе, без всякого участия в этом депутатов, а потом, час спустя, отрекся. Но назначил-то, будучи еще полномочным. Вопрос о приобретении легитимного царского титула для временного правительства, переданного самой верховной властью, а затем в прежнем, самодержавном виде себя упряднившей, и был главной целью поездки Гучкова и Шульгина.

Интересно, что вопрос о назначении Львова главой правительства стал камнем преткновения во время допроса Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии в августе 1917 г.

Гучков никак не мог дать убедительного объяснения того, как это назначение состоялось. Члены комиссии все хотели узнать, каким образом Львов оказался во главе кабинета, кто давал полномочия Гучкову ставить этот вопрос перед Николаем, Временный комитет или Временное правительство? Гучков юлил. Он, между прочим, утверждал, что когда отправился в Псков, никакого правительства еще не существовало, и всячески стремился скрыть факт своего участия в ночных переговорах с Исполкомом совета в ночь на 2 марта, хотя сделать это было невозможно потому, что один из допрашивающих — Н.Д. Соколов — в этих переговорах участвовал и был прекрасно осведомлен, о чем там шла речь.

Гучков утверждал, что предполагалось рекомендовать Николаю назначить только одно лицо, а именно председателя. Лицо это должно было «договориться с теми, кого оно желает пригласить, а те могут ставить свои условия относительно того, с кем они хотят идти и по какой программе». На это Гучкова уполномочил Временный комитет.

Соколов тогда заметил, что, по словам Гучкова, задуманная комбинация выглядела так: если Николай согласится на отречение, «он назначит премьер-министра, и уже этот премьер подберет весь состав. Но в ночь со 2-го на 3-е случилось иное. Государь согласился на отречение, однако премьер и весь состав был указан не государем, отрекшимся от престола, а Временным комитетом».

«Нет, извините, — горячился Гучков, — <...> мы подали совет государю, указав ему лицо, которое могло бы объединить и пользоваться доверием <...> Так что князь Львов был назначен государем, я также считал, а не Комитетом».

Тогда Соколов спросил, известно ли было Комитету, назначившему в этот момент Львова, о том, что Николай назначает именно его, или же это было сделано независимо от того, что происходило в Пскове?

Гучков в ответ заявил, что назначение Львова Временным комитетом явилось для него полной неожиданностью: «я думал, что тот Временный комитет, тот кружок лиц,

¹⁶⁹ Там же. С. 15–16.

который предполагал войти в состав правительства, дождется моего возвращения и того акта, который я везу».

Но провести Соколова было не так-то просто. «Так что объективное положение вещей было таково, — сформулировал следователь, — что Временный комитет назначил кн[язя] Львова вне зависимости от решений государя?» Гучкову ничего не оставалось ответить, как: «Спросите Временный комитет».

«Я хочу знать, как вы думаете, я вас спрашиваю, как свидетеля», — настаивал Соколов. Гучкову пришлось признать, что он известил Родзянко о назначении Львова телеграммой. Соколов хотел непременно знать, когда она была отправлена (видимо, он хотел уяснить, повлияла ли эта телеграмма на исход соглашения между Временным комитетом и Исполкомом совета во время переговоров в ночь на 3 марта).

Гучков ответил, что телеграмма была составлена в 10 часов, а когда передана, точно ему неизвестно: где-то между десятью вечера и часом ночи. Тогда Соколов спросил: «Когда Вы вернулись, <...> Вам не пришлось узнать, кем Вы были назначены, Временным комитетом или кн[язем] Львовым?»

Гучков объяснил, что когда он вернулся, ему показали соглашение между Временным комитетом и Исполкомом. Соколов прокомментировал это следующим образом: «Так что из этого акта Вы изволили убедиться, что Вы включены в состав министерства не кн[язем] Львовым, а Комитетом. Вы были включены не по тому проекту, который был, когда Вы уехали, и где государь назначает премьера, а премьер приглашает состав?»

На это Гучков давал туманные объяснения, что с ним раньше говорили об этом заинтересованные лица и получили от него согласие. Как ни запырлялся Гучков, ему все же пришлось признать, что утром 2 марта он принимал участие в совещании Временного совета и Исполкома, когда выработывался вопрос о соглашении между ними и о составе будущего правительства.

Потом Гучкова спросили: «Когда зашел вопрос о назначении князя Львова и относительно верховного главнокомандующего — после подписания акта об отречении или до того?» Гучков ответил: «Одновременно». Его снова спросили: «Но уже после того, как государь скрепил?» Гучков согласился. «Значит, государь уже перестал быть государем?» — «В его власти еще был акт», — тщетно пробовал защититься Гучков¹⁷⁰.

Но Гучков лгал. Мы не случайно привели этот длинный диалог. Из него прекрасно видно, насколько можно верить показаниям Гучкова об отречении. Но, пожалуй, все-таки самое главное заключается в другом.

Совершенно очевидно, что вначале состоялось назначение Львова, а только потом был подписан документ об отречении.

Представляем читателю попробовать самому выстроить диалог, следствием которого было утверждение Николаем списочного состава правительства во главе с Львовым. Но как бы ни строился такой диалог, абсолютно ясно, что он не мог быть таким, каким его рисовали вначале Шульгин в своем газетном интервью, а потом Гучков в своих показаниях.

Как это не было

Согласно официальной версии Шульгина—Гучкова, изложенной в газетном интервью и получившей широкую огласку благодаря ее немедленной публикации, дело обстояло так.

Когда посланцы прибыли в Псков, они сразу были проведены в салон-вагон царя. Там находился Фредерикс и еще какой-то генерал. Потом явился Николай. «Кажется

¹⁷⁰ Падение царского режима... Т. VI. С. 271—273.

(именно, что только «кажется». — *М.С.*), в это время вошел Рузский, и, извинившись перед государем (видимо за то, что явился без приглашения. — *М.С.*), поздоровался с нами».

Гучков произнес длинную речь, закончив тем, что единственным выходом из создавшегося положения было бы отречение Николая от престола в пользу малолетнего Алексея с назначением регента — великого князя Михаила.

При этих словах Рузский шепнул Шульгину на ухо: «Это уже дело решенное». Затем царь совершенно спокойно сообщил, что он уже принял решение.

До 3 часов дня он был готов отречься в пользу сына, но затем понял, что расстаться со своим сыном не способен, и решил отречься в пользу брата.

Предложение застало делегатов врасплох. Они попросили четверть часа, чтобы переговорить наедине. Царь согласился. Однако перерыва не понадобилось.

«Не помню уж, как разговор снова завязался, и мы очень скоро сдали свою позицию». Гучков принял близко к сердцу чувства отца и поэтому не захотел оказывать давление на родителя. Тогда в лице царя «промелькнуло слабо выраженное удовлетворение».

Шульгин проникся теми же чувствами сострадания: если родителей отлучат от наследника, он возненавидит тех, кто разлучил его с ними. Кроме того, Шульгин сказал, что необходимо, чтобы монарх присягнул на верность конституции. Однако регент не может этого сделать за малолетнего царя. Но при вступлении на престол Михаила это неудобство устраняется.

«Таким образом, — констатировал Шульгин, — мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича». Потом делегаты заверили Николая в том, что его отречение не вызовет никаких осложнений и действительно успокоит страну.

Затем Николай вышел, вернулся в 23.15 и принес с собой акт отречения. Прочитав текст, Шульгин предложил в пассаж о заповеди брату править страной в единении с представителями народа в законодательных учреждениях вставить фразу: «принеся в том всенародную присягу». Николай это сделал, заменив слово «всенародную» на «ненарушимую».

«Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата с помощью пишущей машинки. На заглавном листе стояло слева слово: “Ставка”, а справа “Начальнику штаба”. Подпись была сделана карандашом».

После того, как делегаты одобрили акт, произошел чуть ли не «обмен рукопожатий» (как трогательно! — *М.С.*), но, «может быть, этого и не было». Царь был «скорее дружелюбен, чем холоден». (Трудно поверить, что эта же царская рука затем записала в дневник: «Кругом измена и трусость, и обман». — *М.С.*)

«Какая злоба у этих двух людей»

С Рузским было условлено, что ввиду «бурных обстоятельств Петрограда» будет два экземпляра акта, подписанных собственноручно. Первый экземпляр на листочках маленького формата остался у Рузского. Второй экземпляр на листе большого формата, также написанный на пишущей машинке, подписанный Николаем карандашом и скрепленный Фредериксом, депутаты взяли с собой, оставив расписку в получении. По приезде этот экземпляр передали в надежные руки, потому что он подвергался «опасности»¹⁷¹.

Та же версия, но в «монархическом варианте», с обильными лирическими отступлениями была потом опубликована Шульгиным в 1925 г. в воспоминаниях под названием «Дни»¹⁷². Коренное отличие этой уже эмигрантской версии от первоначальной состояло в следующем.

¹⁷¹ Отречение... С. 169—172.

¹⁷² Там же. С. 173—187.

В марте 1917 г. Шульгин уверял, что «необходимость отречения была единогласно принята всеми»¹⁷³. В эмиграции же Шульгин беспардонно утверждал, что, когда он шел в вагон Николая, его мучила мысль: «И нельзя отвратить? Нет, нельзя... Так надо... Нет выхода...» Когда же Николай подписал отречение, Шульгин «почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце его подданных, вырывались этим лоскутком бумаги» и прочие перлы в таком же духе¹⁷⁴.

Особенно впечатлительно выглядит этот пассаж, если принять во внимание, что в январе 1917 г. великий князь Николай Михайлович, встретив Шульгина и М.И. Терещенко (будущего министра финансов первого общественного кабинета), записал в дневнике: «Какая злоба у этих двух людей, к ней, к нему (т. е. к Николаю и Александре. — М.С.), и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства»¹⁷⁵.

Нелепость этих псевдомонархических излияний (вроде «почувствовал, что <...> жизнь государя в безопасности») шокирует, когда знаешь, что именно с этой минуты жизни царя стала угрожать реальная опасность: на следующий день принимается решение об аресте полковника Н.А. Романова.

Впрочем, отличие пространных эмигрантских воспоминаний еще состоит в том, что здесь наконец-то упоминается о том, как уже отрекшийся царь поставил Львова во главе правительства. Рассказ об этом важнейшем вопросе, вокруг которого ломалось столько копий в первых числах марта 1917 г., невозможно читать у Шульгина без иронической улыбки:

«Я не помню, было ли написано назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим при нас, или же нам было сказано, что это уже сделано <...>. Но я ясно помню, как государь написал при нас указ Правительствующему Сенату о назначении председателя Совета министров <...>. Это государь писал у другого столика и спросил:
— Кого вы думаете?...
Мы сказали:
— Князя Львова...
Государь сказал с какой-то особой интонацией, — я не могу этого передать:
— Ах, Львов? Хорошо — Львова...
Он написал и подписал»¹⁷⁶.

Ту же версию изложил и Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии. С Шульгиным он расходился только в незначительных деталях. Согласно Гучкову, в салоне-вагоне они застали Фредерикса и Нарышкина, потом пришел Рузский, и только после этого появился Николай.

Второе отличие состояло в том, что, настаивая на отречении Николая в пользу Алексея, Гучков объявил: «Государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери». Наконец, Гучков утверждал, что экземпляр с пометками Николая остался в Пскове, в Петербург же отправился дубликат без исправления¹⁷⁷. (У Шульгина, как помним, дело обстояло наоборот.)

Кроме того, в показаниях Гучкова передана речь, которую он произнес перед Николаем. Суть этой речи сводится к следующему.

¹⁷³ Там же. С. 169.

¹⁷⁴ Там же. С. 174, 184–185.

¹⁷⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г... С. 61.

¹⁷⁶ Отречение... С. 186.

¹⁷⁷ Там же. С. 190–192.

Гучков по поручению Временного комитета приехал, чтобы дать царю советы, как вывести страну из «тяжелого положения». Всякая борьба с движением, охватившим Петроград, безнадежна, потому что ни одна воинская часть не может не присоединиться к этому движению. Это подтверждает пример царскосельского гарнизона, перешедшего на сторону Думы. Поэтому единственным выходом для Николая является отречение в пользу Алексея с назначением регентства¹⁷⁸.

Наконец, в подтверждение версии Шульгина–Гучкова был составлен документ, который обычно принято называть «*Протоколом отречения Николая II*»¹⁷⁹.

На самом деле, это вовсе не протокол. Документ не имеет ни названия, ни даты, никем не подписан. Этот апокриф излагает, что называется, «в лицах» ложную версию Шульгина–Гучкова в варианте Гучкова. Так называемый «протокол» отличается от показаний Гучкова в следственной комиссии тем, что здесь более пространно изложена речь Гучкова и в ней есть одно очень важное положение: делегаты просят Николая отречься потому, что крайние элементы, лозунгом которых было установление республики и обещавшие солдатам дать землю, считали умеренных членов Думы предателями из-за того, что они хотели сохранить монархический принцип.

Таким образом, отречение рассматривалось как попытка не позволить «крайним» смести «умеренных», т. е. перед нами интерпретация событий, которая, как мы видели, была характерна для Ставки. Видимо, этот апокриф был создан именно в этих кругах. (Начальник оперативного отделения Ставки Базаревский в разговоре с Е.И. Мартыновым, автором книги «*Царская армия в февральском перевороте*», после 1922 г. утверждал, что «протокол» хранился в делах его отделения¹⁸⁰.)

Что мы знаем о манифесте

Под 2-м марта Николай записал в дневнике: «Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которым я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого»¹⁸¹. Если бы не было этой записи, можно было бы усомниться, подписывал ли царь какой-либо манифест. Но из записи явствует неопровержимо, что в результате переговоров Николай передал манифест, подписанный и переделанный. 3 марта в 0.28 генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта В.Г. Болдырев передал по телеграфу генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Лукомскому: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который по подписании государем будет вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена»¹⁸².

Значит, «дубликат» действительно был.

В 1 час ночи Николай отправился из Пскова в Ставку, Гучков и Шульгин уехали из Пскова в Петроград в 3 часа ночи. Не ранее 3.19, а скорее всего, позднее из Ставки стали передавать текст манифеста главноком, который потом появился в «*Известиях*»¹⁸³. Что же делали депутаты с половины первого до трех? В Чрезвычайной следственной комиссии Гучков утверждал, что уехал, как только получил манифест.

¹⁷⁸ Там же. С. 190–191.

¹⁷⁹ *Сторожев В.Н.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпроса РСФСР). Сб. 1. М., 1922.

¹⁸⁰ *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте... С. 166–167.

¹⁸¹ Отречение... С. 34.

¹⁸² КА. 1927. № 3. С. 15.

¹⁸³ Там же. С. 17–18.

Ложь и правда об отречении Николая II

В 1975 г. за год до своей смерти девяностосемилетний Шульгин убеждал писателя М.К. Касвинова, автора книги «*Двадцать три ступени вниз*», что Николай подписал текст манифеста, привезенный им из Петрограда. Манифест этот был перепечатан тут же ремингтонистом («*Ремингтон*» — название пишущей машинки. — М.С.) Савельевым¹⁸⁴. На самом деле, проект манифеста, написанный Шульгиным на бланке Таврического дворца¹⁸⁵, ничего общего не имеет с тем проектом, который был опубликован 4 марта в «*Известиях*». Да и перепечатывал манифест машинист А.К. Логинов¹⁸⁶. Мы уже видели, что текст манифеста, выработанный Н.А. Базили вместе с А.С. Лукомским и отредактированный М.В. Алексеевым, был прислан из Ставки и находился в руках Рузского в половине десятого вечера (это обстоятельство всячески замалчивал Рузский в газетном интервью и в рассказе великому князю Андрею Владимировичу). Именно этот текст и был положен в основу того проекта, который потом передали в Ставку, а затем главнокомандующим и в печать.

В проекте, присланном из Могилева, говорилось:

«В соответствии с установленными Основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему <...> Алексею Николаевичу и благословляем его на вступление на престол государства российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут установлены».

В окончательном тексте этот пассаж был заменен такими словами:

«Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»¹⁸⁷.

Как видим, из первоначального проекта удалили, прежде всего, упоминание о соответствии текста Основным законам. Интересно, что полковник А.А. Мордвинов вспоминал, что К.А. Нарышкина, начальника Военно-походной канцелярии, посылали в соседний вагон справиться с Основными законами¹⁸⁸. Однако этого быть не могло. Удаление из текста ссылки на Основные законы говорит о многом: составители прекрасно осознавали, что их формула этим законам противоречит. Престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило порядку престолонаследия. В текст манифеста была введена еще одна существенная поправка: новый монарх должен был принести нерушимую присягу на верность конституции, которая будет выработана.

Сегодня опубликованы фотокопии двух экземпляров манифеста с подписью Николая. Согласно им, подлинники были напечатаны на пишущей машинке на листе

¹⁸⁴ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1984. С. 273.

¹⁸⁵ Отречение... С. 222.

¹⁸⁶ Солнце России. 1917. № 367.

¹⁸⁷ КА. 1927. № 3. С. 7; Отречение... С. 223.

¹⁸⁸ Отречение... С. 11–119.

большого формата. На обоих экземплярах в левом углу помещено слово «Ставка». Затем посередине текста вместо заглавия написано: «Начальнику штаба». После текста манифеста в нижнем углу на машинке напечатано: «г. Псков Марта час мин 1917 г.». В правом нижнем углу находится подпись Николая. В левом нижнем углу под обозначением даты имеется скрепа чернилами: «Министр императорского двора генерал-адъютант Фредерике». Оба экземпляра отличаются тем, что на одном, подписанном Николаем карандашом, вписано время: «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.»¹⁸⁹. На другом же, подписанном Николаем чернилами, время обозначено иное: «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.»¹⁹⁰. Ни один из этих экземпляров не содержит вписанной Николаем карандашом фразы: «Принеся в том ненарушимую присягу». Никаких других карандашных пометок царя на этих экземплярах нет.

Очень странный документ

Согласно Шульгину, должно существовать два экземпляра манифеста: черновой на двух-трех телеграфных бланках малого формата с карандашными поправками Николая и чистовой, напечатанный на листе большого формата с карандашной подписью Николая, заверенной Фредериксом, и без каких бы то ни было поправок.

То же утверждал и Гучков. Только Шульгин уверял, что в Петроград повезли дубликат, экземпляр же с карандашными поправками Николая оставили в Пскове. Гучков утверждал обратное: в штабе Северного фронта оставили дубликат, в столицу же взяли с собой подлинный экземпляр с поправками Николая.

Получается, таким образом, что существовало не два экземпляра: подлинный с пометками и «дубликат», а три: оригинал с пометками и два дубликата, причем с различным обозначением времени составления.

Поскольку же никакого экземпляра с пометками Николая до сих пор не обнаружено, мы можем оперировать только фотографическими копиями двух дубликатов.

Скажем сразу, что они производят довольно странное впечатление. Возникает даже подозрение, не сфабрикованы ли они. В Чрезвычайной следственной комиссии Гучкова спросили, чем можно объяснить, что отречение было обращено к начальнику штаба? Гучков ответил: «Нет, акт отречения был безымянным». «Так что вы получили его на руки без обращения?» Гучков подтвердил: «Без обращения»¹⁹¹.

Примечательно, что когда дело дошло до публикации в армиях фронта акта об отречении Николая, Данилов, который в 4-м часу ночи 3 марта передавал текст в Могилев, обратился в Ставку с просьбой телеграфировать в Псков текст акта об отречении «целиком, не исключая заголовка».

Из Ставки ответили: акт представляет собой «текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли повторять? Изменений там нет»¹⁹². Данилов недоумевал, нужен ли заголовок и какой? Ему никак не верилось, что переданный им текст — это и есть акт об отречении.

Именно в таком же положении оказались редакции некоторых газет. Так, например, «Утро России» опубликовало текст телеграммы Николая об отречении с шапкой,

¹⁸⁹ Фотокопия этого экземпляра воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документальное». М., 1990.

¹⁹⁰ Фотокопия этого документа воспроизведена в книге: *Ненароков А.П.* 1917: Краткая история, документы, фотографии. М., 1980. С. 53; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. № 2100а. Приносим благодарность Е.А. Чирковой, указавшей нам на этот документ.

¹⁹¹ Падение царского режима... Т. VI. С. 219.

¹⁹² КА. 1927. № 3. С. 46.

необходимой для любого манифеста: «**Божьей милостью, мы, Николай Второй...**», потому что казалось невероятным, чтобы манифест мог бы не иметь титула¹⁹³.

Ответ Гучкова следователю Чрезвычайной следственной комиссии крайне важен. Именно он дает основание подозревать фабрикацию акта Гучковым и Шульгиным.

Если акт отречения был «безымянным» (что, кстати сказать, само по себе уже нонсенс, потому что в заглавии, которое отсутствует, не обозначено ни кто отрекается, ни от чего отрекается и ни перед кем!), то дубликат (или дубликаты) был бы тоже безымянным. Если же дубликаты снимались после того, как «акт был зашифрован», то в дубликатах был бы шифр, а не расшифровка.

Если же допустить, что Гучков просто неудачно выразился и имел в виду, что безымянному тексту, подписанному Николаем, придали вид телеграммы, подготовленной для передачи по телеграфу, а затем, до того как ее зашифровали, сняли с получившегося текста копию, принесенную потом на подпись царя, то все равно концы не сходятся с концами. Какой же это дубликат, если текст копии и оригинала не совпадают?

Нельзя не отметить, что «акту отречения» придана довольно неудачно форма телеграммы. Гучков утверждал на следствии, что предполагалось послать акт председателю Государственной думы Родзянко¹⁹⁴, однако телеграмма адресована вовсе не председателю. Она оформлена как предназначавшаяся Алексееву.

А между тем Николай II по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанных им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексееву.

Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом — куда она отправляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: «**Председателю Госуд. Думы Птрр**», т. е. «**Петроград**»¹⁹⁵.

Соответственно телеграмма Алексееву выглядела так: «**Наштаверх. Ставка**». «**Наштаверх**» — это означало «**начальнику штаба верховного главнокомандующего**». Поэтому слова: «**Ставка. Начальнику штаба**», которые мы видим на фотокопиях, были написаны людьми недостаточно компетентными, ибо просто «**начальнику штаба**» царь никогда бы не написал.

Далее безграмотно проставлена дата телеграммы. Действительно, телеграммы, которые отсылал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «**Псков. Число, месяц. Час. Минута**». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «**1244 Б.**»¹⁹⁶. Потом следовала подпись.

Нетрудно заметить, что на фотокопиях нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь находиться, если она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «**2-го Марта 15 час 5 мин 1917 г.**» Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «**2-го марта 1917 г.**», а отнюдь не после указания точного времени. На фотокопии как раз видно несколько необычное сочетание: «**15 час. 5 мин. 1917 г.**» Пожалуй, самое интересное состоит в том, что именно с датой была связана какая-то переделка текста.

До 24 октября 1929 г. акт отречения (какой именно из экземпляров, не знаем) хранился в рукописном отделе Библиотеки Академии наук. В это время здесь работала правительственная комиссия, которая начала раскрывать «академическое дело».

¹⁹³ Утро России. 1917. 4 марта.

¹⁹⁴ Падение царского режима... Т. VI. С. 269.

¹⁹⁵ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте... С. 159.

¹⁹⁶ КА. 1927. № 3. С. 16.

С т а в к а

Н а ч а л ь н и к у Ш т а б а.

Въ дни великой борьбы съ вѣннми врагомъ, стремляемся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было испослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Нестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими соотечественниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ собѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственнымъ Думомъ, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться съ любимымъ Ономъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наследіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МХХАМЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины приемлемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г Псковъ. 2го Марта 15 час. мин. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Графъ Фредерикъ

Handwritten signature

Ложь и правда об отречении Николая II

Одно из обвинений сотрудников библиотеки заключалось в том, что они тайно хранили акт отречения Николая. Документ находился в конверте с надписью «Г.Е. Старицкий» (Старицкий — брат жены академика В.И. Вернадского, сын сенатора и члена Государственного совета Е.П. Старицкого) и был записан в описи под ничего не говорящим непосвященному номером «607».

Сотрудники библиотеки пробовали отрицать уникальность этого документа, ссылаясь на то, что он существовал в нескольких экземплярах. Но следователи, стремившиеся во что бы то ни стало «утопить» академиков, настаивали на уникальности хранившегося в библиотеке экземпляра. Эту уникальность они видели в том, что документ имел подчистку. Я.С. Агранов прямо заявил: «Дата на документе Николая II, подчистка»¹⁹⁷. Существование подчистки подтверждается и воспоминаниями полковника В.В. Ступина.

В марте 1917 г. иллюстрированный журнал «Солнце России», по материалам которого легко проследить складывание культа Керенского, опубликовал рассказ Ступина о том, как было подписано отречение Николая. (По материалам Ставки видно, что 2 марта в 23 часа Ступин действительно находился в штабе Северного фронта. Он должен был отправиться на связь с Н.И. Ивановым в Вырицу, но это распоряжение было отменено¹⁹⁸.)

В своем рассказе Ступин изложил официальную версию, но в его изложении есть любопытные подробности, нигде более не встречающиеся.

В 23 часа Ступина вызвали из штаба на вокзал. Из вагона царя вынесли «уже подписанный черновик акта, — свидетельствовал полковник, — и вручили мне для заготовления второго экземпляра. В присутствии моем, генерала Болдырева, адъютанта начальника штаба поручика Ползиков и начальника отделения Вишневецкий вытребовал писаря Логинова, которому акт отречения и был продиктован».

Данилов поручил Ступину отвезти «оба экземпляра обратно в поезд для подписания государем 2-го экземпляра и контрассигнования обоих документов графом Фредериксом». Когда Ступин вернулся из штаба, где перепечатывался документ, в вагоне царя он застал Рузского, дворцового коменданта Воейкова, Нарышкина, Фредерикса, а также подполковника Медиокритского и коменданта станции Псков подполковника Кирпиченко. Нарышкин взял у Ступина не подписанный еще царем экземпляр и вышел вместе с Николаем в другой вагон.

Возвратившись оттуда с уже подписанным актом, Нарышкин поручил Ступину дать оба экземпляра Фредериксу для скрепы. «Фредерикс нервничал. Он стал указывать на то, что для контрассигнования оставили мало места. Пришлось резинкой стереть слово “Псков” и вновь написать его выше, после чего Фредерикс и подписал оба экземпляра».

Затем Ступин отнес оба экземпляра в вагон к Рузскому, где находились Гучков и Шульгин. Оригинал акта с поправками Николая, сделанными копировальным карандашом, остался в штабе в «оперативном отделении», другой же экземпляр был отдан депутатам¹⁹⁹.

В этом же номере «Солнца России» был помещен и рассказ писаря А.К. Логинова о том, как Вишневецкий с трех телеграфных бланков передиктовывал ему текст акта. Логинов особо отметил, что он не сделал ни одной ошибки «и даже подчисток удалось избежать»²⁰⁰.

¹⁹⁷ Исторический архив. 1993. № 1. С. 82–102.

¹⁹⁸ КА. 1927. № 2. С. 66.

¹⁹⁹ Солнце России. 1917. № 367.

²⁰⁰ Там же.

Публикация «Солнца России» интересна прежде всего тем, что она должна была развеять сомнения читателя, будто в деле отречения есть какие-то подозрительные неясности.

Устами живых, хотя и второстепенных, но не менее от этого важных «технических» участников дела заявлялось: ничего подозрительного нет. Подлинник отречения со следами работы над ним царя (как и пытался убедить всех Шульгин) остался на фронте в штабе, дубликат хотя и имел подчистки, но они были вызваны совершенно случайными обстоятельствами.

Итак, подчистки были сделаны в том месте, где находилась дата. Интересно отметить, что Ступин не объяснил, каким образом ему удалось вновь написать слово «Псков». Ведь для этого было необходимо вернуться в штаб, который находился в городе. На фотокопиях подчисток не видно, но зато можно рассмотреть, что слово «Псков» напечатано на другой машинке, с более мелким шрифтом, чем основной текст документа.

Уже сам факт существования подчисток и манипуляции с формой документа ярко свидетельствует о том, с какой свободой Гучков и Шульгин обращались с теми материалами, которыми располагали.

Как же можно объяснить отмеченные выше несуразности? Скорее всего, просто написали одну дату, а потом передумали, подчистили и поставили другую, которая более отвечала изменившимся обстоятельствам. Ведь время «15 часов» ясно указывало на то, что Николай принял решение отречься добровольно, самостоятельно, без всякого давления или даже участия посланцев из Петрограда. Видимо, осознание того, что лучше пометить подписание акта этим часом, пришло не сразу и первоначально на документе стояло время, в которое бумага действительно была подписана.

Но возможно и другое объяснение. Не исключено, хотя и маловероятно, что тот документ, который Гучков и Шульгин привезли в Петроград, был изготовлен ими самими. Николай, как явствует из его дневника, передал им подписанный и переделанный текст. Но в таком виде разве мог этот документ обрести законную силу?

По существующей процедуре публикации закона, манифест должен был быть надлежащим образом оформлен²⁰¹, затем к нему должен приложить печать министр юстиции, после чего документ поступал в Сенат и после опубликования становился законом. Очевидно, Гучков и Шульгин понимали, что «подписанный и переделанный» даже самим царем текст не годится. (Правда, 2 марта днем портфель министра юстиции был вручен Керенскому, который совершенно внезапно появился в списочном составе кабинета, заменив намечавшегося ранее В.А. Маклакова. И это несмотря на категорическое решение Совета не принимать участие в первом общественном кабинете! Но даже для «своего» министра юстиции небеловой текст отречения мог бы стать неразрешимой проблемой: ведь кроме министра юстиции еще существовали и сенаторы, через руки которых должен пройти этот акт.)

Естественно предположить, что тогда они решили изготовить беловой экземпляр сами. Николай, прежде чем уехать в Могилев, оставил в их распоряжении подписанный черновик с поправками, а также два чистых листа большого формата со своей подписью и скрепой Фредерикса.

Видимо, громоздкая «шапка» манифеста не позволяла разместить весь текст на одном листе. Поэтому ему придали форму телеграммы начальнику штаба. (А может быть, и Николай подсказал им, не без умысла, что текст надо протелеграфировать Алексееву, который давно ждет ответа на свою телеграмму.) Совершенно очевидно, что телеграфисты не могли так непрофессионально оформить телеграмму с текстом

²⁰¹ См. подробно: Смена. 1997. 14 марта.

Ложь и правда об отречении Николая II

С т а в к а

Н а ч а л ь н и к у   Ш т а б а .

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отравиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокий врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли **МЫ** долгомъ совѣсти облегчить народу **НАШЕМУ** тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, приказали **МЫ** за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ **СЕБЯ** Верховную власть. Не желая разстаться съ любимыми **Сыномъ НАШИМЪ**, **МЫ** передаемъ наслѣдіе **НАШЕ** Брату **НАШЕМУ** Великому Князю **МІХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ** и благословляемъ Его на вступленіе на Престоль Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату **НАШЕМУ** править дѣлами государственными въ полномъ и ненаруцимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненаруцимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ **Нимъ**, повиновенію Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь **ЕМУ**, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Оккоат.

7 Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министръ Императорскихъ Дѣлъ
Генералъ Адъютантъ *Гр. Фредерикъ*

Николай

отречения и проставить на ней нелепое и для телеграммы и для манифеста время: «2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.».

Все эти махинации могут объяснить, почему вместо самих документов предпочитали оперировать фотографическими копиями: на них не все видно. Во всяком случае, подчистки-то не увидишь.

Но возникает важнейший вопрос. Если «составители» акта отречения так свободно манипулировали с его формой, не отнеслись ли они с той же свободой к самому тексту, который Николай передал им? Другими словами, не внесли ли Шульгин и Гучков в текст Николая принципиальных изменений, прежде всего касающихся порядка наследования престола?

Что привезли «аргонавты»?

Шульгин и Гучков утверждали, что формулу манифеста «не желая расстаться с любимым сыном <...> передаем наследие брату»²⁰² предложил сам Николай. Когда Н.А. Базили, управлявший дипломатической канцелярией Ставки Верховного главнокомандующего, уже в эмиграции, спросил Гучкова, как произошла замена Алексея Михаилом, Гучков ответил: «Пока (курсив автора. — М.С.) могу сказать только» и начал излагать официальную версию²⁰³. Между тем, вот что гласила телеграмма Гучкова и Шульгина, отправленная начальнику Главного штаба в тот момент, когда переговоры с Николаем подошли к концу: «Просим передать председателю Думы Родзянко: “Государь дал согласие (курсив автора. — М.С.) на отречение от престола в пользу вел. кн. Михаила <...> с обязательством для него принести присягу конституции <...> сообщите немедленно в Псков положение дел в Петрограде”»²⁰⁴.

Гучкову и Шульгину надо было найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временного правительства. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предreshалась.

«Нашею целью было, — признавался Гучков следователю Чрезвычайной следственной комиссии летом 1917 г., — избежать гражданской войны, и надо было создать комбинацию, при которой все факторы имели бы моральную и фактическую силу и согласились бы на эту комбинацию»²⁰⁵. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же Алексей такой присяги дать не мог.

Гучкову нужно было получить санкцию царя на создание общественного кабинета во главе с Г.Е. Львовым, и непременно в списочном составе. Общественный кабинет никоим образом не собирался делиться своей реальной властью с номинальным царем. Кто станет этим чисто формальным символом монаршей власти, было не так уж важно. Но было совершенно необходимо, чтобы новый формальный монарх публично и навсегда отрекся от фактической власти, передав ее Временному правительству. С этой точки зрения Михаил был предпочтительней. Воцарение

²⁰² Отречение... С. 170, 182.

²⁰³ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 70.

²⁰⁴ КА. 1927. № 3. С. 15.

²⁰⁵ Падение царского режима... Т. VI. С. 273.

фактически безвластного Михаила, по мнению Гучкова, было более благоприятным для «укоренения» первого общественного кабинета даже несмотря на то, что оно было незаконным. Во-первых, эта комбинация была явно проще и давала выигрыш во времени; а во-вторых, именно воцарение Михаила открывало перспективу для безболезненного разрешения конфликта между Исполнительным комитетом Совета и Временным правительством по поводу формы правления: если бы Временному правительству пришлось уступить Совету, Михаил имел право отречься от престола, а малолетний Алексей — нет.

Депутаты получили на руки документ, который, даже если его можно было бы назвать манифестом, никоим образом актом отречения не являлся. По неизвестным причинам они не стали обращать внимания на «мелочи», полагая, что не это сейчас главное. Может быть, черновой текст с поправками представлял собой самое большое, на что соглашался пойти царь, и они были вынуждены этим довольствоваться. Как бы то ни было, но акта отречения, который не мог бы быть впоследствии оспорен юристами, на руках Шульгина и Гучкова не оказалось. И этот важнейший факт нельзя «списать» на чрезвычайные обстоятельства. Несомненно, во всем этом был определенный умысел Николая: он составлял такие документы, которые при благоприятных обстоятельствах (например, когда Временное правительство и Совет «отгрызут друг другу головы») можно было бы объявить недействительными. Как выразился потом А.А. Бубликов относительно формы акта отречения: «При случае это — **кассационный повод**»²⁰⁶. И не случайно, подписав и передав манифест и тем самым открыв себе путь на Петроград, Николай отправился не в Царское, где томилась жена с больными детьми, а поехал в Могилев, в Ставку, даже не дождавшись, пока манифест будет передан по телеграфу. Очевидно, царь надеялся, что его отречение вызовет в войсках верноподданническое движение. Вместе с тем, подписывая с точки зрения Основных законов «филькину грамоту», Николай рассчитывал, что она может внести некоторое успокоение в столице. По крайней мере, не даст левым элементам одержать верх над умеренными, не позволит им уничтожить монархию.

«Виляющее правительство»

В то время как в салоне царского поезда в Пскове решалась судьба престолонаследия, в Таврическом дворце был поставлен вопрос о существовании трона в России. Вопрос этот теснейшим образом был связан с вопросом о судьбе Временного правительства. Около 20 часов 2 марта 1917 г. члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы встретились вновь, чтобы продолжить переговоры о создании первого общественного кабинета. За сутки, прошедшие после того, как переговоры были прерваны, ситуация изменилась. Совет выиграл борьбу за армию и чувствовал себя уверенней, чем накануне. Временный же комитет за истекшие 24 часа свои позиции сдал. Речь П.Н. Милюкова в Таврическом дворце накануне, в которой он объявил о сохранении романовской династии и переходе трона к Алексею при регентстве Михаила, была произнесена преждевременно. Впрочем, она сыграла роль пробного камня, своеобразной лакмусовой бумажки, с помощью которой удалось довольно четко определить силу позиций обеих сторон в вопросе о будущей форме государственного устройства России.

Речь Милюкова обострила ситуацию. Благодаря ей вопрос о династии и будущей форме правления оказался у всех на устах, став чуть ли не центральным. Стремление Временного комитета провести свою линию в обход Совета было воспринято чуть ли

²⁰⁶ Бубликов А.А. Русская революция... С. 27.

не как попытка совершить переворот или, по крайней мере, как намерение действовать вопреки почти достигнутому соглашению. И это в тот момент, когда авторитет Совета резко усилился благодаря поддержке солдат Петроградского гарнизона. Временное правительство нуждалось в санкции Совета. Без нее оно не могло утвердиться. Поэтому члены Временного комитета спешили дистанцироваться от Милюкова и принять требование Исполкома о том, что до созыва Учредительного собрания вопрос о форме государственного устройства России останется открытым.

Сговор состоялся

Ситуация, складывавшаяся в полночь 3 марта, этому благоприятствовала. Формула отречения, которую Гучков и Шульгин составляли в Пскове, более всего отвечала, как это ни покажется странным, интересам А.Ф. Керенского и его масонской группы. Иначе и быть не могло: в противном случае Гучкова и Шульгина просто-напросто не пропустили бы через Лугу, где контролировал путь на Псков правительственный инспектор. Но надо иметь в виду, что в момент, когда «аргонавты» покинули Лугу, получив в ней последнюю информацию о положении дел в Петрограде, соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета о будущей форме правления еще не было окончательно оформлено. По словам Н.Н. Суханова, участника переговоров с Временным комитетом, Николай своим отречением «испортил игру монархистам»²⁰⁷. Милюков же утверждал, что «это было тяжелым ударом, нанесенным самим царем династии в тот самый момент, когда продолжение династии вообще стояло под вопросом»²⁰⁸. С этим можно было бы согласиться, если только иметь в виду, что «испортил игру» и нанес «тяжелый удар» не столько сам Николай, сколько те, кто привел его к такому решению. Все закулисные действия Керенского, уже 2 марта объявившего себя республиканцем и «заложником демократии», все скрытые акции масонской группы, использовавшей малейшие изменения общественных настроений в свою пользу, позволяют утверждать, что они всячески стремились направить развитие событий именно по такому руслу.

К моменту, когда Временный комитет и Исполком должны были решать животрепещущий вопрос о соглашении, в кабинет Родзянко поступило заявление от группы офицеров, в котором говорилось: «На всех улицах можно было слышать обвинения со стороны ораторов, к которым начинают уже прислушиваться солдаты и народ, в намерении Временного правительства противодействовать народу ввести республиканский строй и созвать Учредительное собрание. Офицеры полагают, что Временное правительство должно ясно и точно высказаться о своем намерении дать народу самому избрать форму правления»²⁰⁹.

В ночь на 3 марта был достигнут компромисс²¹⁰. В декларации Временного правительства, опубликованной утром вместе с заявлением Совета о его поддержке, говорилось, что первый общественный кабинет начнет немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны²¹¹.

²⁰⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 175.

²⁰⁸ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 467.

²⁰⁹ Цит. по: Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 300–301.

²¹⁰ Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г... С. 101–104.

²¹¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

Ложь и правда об отречении Николая II

Это соглашение означало: в пользу кого бы ни отрекся Николай, вступление на престол нового монарха войдет в противоречие с достигнутым компромиссом. Сохранение монархии хотя бы временно, до созыва Учредительного собрания, означало бы срыв соглашения оставить вопрос о будущей форме правления пока открытым. А без такого соглашения общественный кабинет списочного состава не мог бы утвердиться.

«Долой династию»

Как только текст отречения Николая был передан по телеграфу на Варшавский вокзал, манифест расшифровали и попросили прислать из Министерства путей сообщения машину, чтобы доставить его Родзянко. Через некоторое время к вокзалу подкатили два автомобиля с двумя офицерами и 15 солдатами. Те, кто успел сообщить в министерство о передаче телеграммы и расшифровать текст ее, были арестованы и доставлены в Таврический дворец к Керенскому. Телеграфисты пытались сопротивляться. Они заявляли, что обязаны доставить текст Родзянко. Керенский решительно забрал телеграмму себе²¹².

Впоследствии профессор Ю.В. Ломоносов, «генерал от паровозов» и «запасной рядовой революции», как он себя скромно называл, подробно описал этот ночной арест текста манифеста. Ломоносов, «авантюрист милостью божьей», принадлежал к масонским кругам и был правой рукой А.А. Бубликова, комиссара Временного комитета по Министерству путей сообщения. Заведующий организацией железнодорожно-телеграфной связи Министерства, профессор сыграл важнейшую роль в низвержении Николая. Ломоносов оставил воспоминания о мартовской революции. В них все поставлено с ног на голову. Но воспоминания эти интересны прежде всего тем, что дают понять, что именно автор пытается скрыть, а что представить в ложном свете. Ломоносов всячески затушевывал действия группы Керенского, стремясь представить их как акции Временного комитета в целом: отрицал, например, причастность Бубликова к манипуляциям с царским поездом, к срыву встречи царя и Родзянко. Ломоносов подробно описал арест коменданта Варшавского вокзала полковника Шахова за то, что он якобы слишком медленно расшифровывал телеграмму с текстом отречения²¹³. На самом деле полковник, только не Шахов, а, видимо, Шихеев, был арестован с единственной целью: не дать Родзянко возможность перехватить у масонов инициативу и предотвратить распространение текста манифеста об отречении.

Получив по телеграфу текст манифеста, Алексеев телеграфировал Львову. Он хотел выяснить вопрос о приведении к присяге войск²¹⁴, Родзянко и Львов ожидали в здании Министерства путей сообщения. Очевидно, в промежуток времени с момента получения телеграфного текста манифеста до 6 часов утра, когда Родзянко по прямому проводу связывался с Алексеевым, было принято важнейшее решение задержать публикацию манифеста о воцарении Михаила. Видимо, в эти часы произошло объяснение между Родзянко и Керенским. Поскольку с Исполкомом Совета удалось договориться, Родзянко просчитал для себя ситуацию так: до созыва Учредительного собрания (которое он хотел отложить до окончания войны) Государственная дума, распущенная царем, возобновит свои занятия. Вместе с Государственным советом она составит «законодательные палаты» (как это было при Николае), и

²¹² Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых... С. 67–68.

²¹³ Ломоносов Ю.В. Воспоминания Ю.В. Ломоносова о мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 52–55.

²¹⁴ КА. 1927. № 3. С. 26.

при них станет действовать общественный кабинет списочного состава под названием «Советов министров», а над всем этим будет стоять Временный комитет во главе с ним самим, М.В. Родзянко. Именно такая комбинация позволяла бы Михаилу Владимировичу в изменившейся обстановке сохранить ускользающую власть.

В 6 часов утра Родзянко вызвал к прямому проводу М.В. Алексева, начальника штаба Верховного главнокомандования, и передал ему повеление не «пускать в обращение» манифест до получения от председателя Временного комитета «соображений», потому что обнародование манифеста может вызвать гражданскую войну. Кандидатура Михаила, заявил Родзянко, «ни для кого не приемлема». Ситуацию председатель Думы прокомментировал так: предполагалось воцарение Алексея при регенте Михаиле. «Соглашения на этом достигнуть не удалось и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Временного комитета и Совета Министров при существовании Государственной думы и Госсовета. Только эта комбинация может внести успокоение и только при ней можно надеяться на возвращение дисциплины воинских частей»²¹⁵.

В 8.45 Родзянко вызвал к аппарату Н.В. Рузского, главнокомандующего Северным фронтом, и передал ему ту же просьбу, с теми же мотивировками. На удивленный вопрос Рузского, почему приехавшие делегаты не были достаточно инструктированы, Родзянко дал такое объяснение: «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел». Солдаты, вчерашние мужики, требовали «земли и воли», кричали: «Долой династию! Долой офицеров!» Во многих частях началось избиение офицеров, «к тому присоединились и рабочие, и анархия дошла до своего апогея». В результате долгих переговоров с депутатами от рабочих ночью удалось прийти к соглашению. Оно заключалось в том, что через некоторое время будет созвано Учредительное собрание, и только тогда «Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска стали приводить в порядок, но провозглашение императором Михаила подольет масла в огонь, начнется истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всяческую власть, и усмирить народное волнение будет некому»²¹⁶.

Игра Керенского

В 6.40 Алексеев послал приказание главнокомандующему задержать объявление манифеста²¹⁷. А в 13.27 он стал рассылать телеграмму с оценкой случившегося. К тому времени Алексеев уже имел сведения о том, что обстановка в Петрограде была значительно спокойнее, слухи о резне офицеров — «сплошной вздор». Становилось совершенно ясно, что в сообщениях Родзянко не было «откровенности и искренности». Алексеев пришел к заключению о том, что левые партии, усиленные Советом, цель которых заключалась в созыве Учредительного собрания, оказали мощное давление на Родзянко, но председатель это тщательно скрывал. В разговоре с А.А. Брусиловым Алексеев выразил свою мысль так: «Самое трудное — установить согласие с влиятельным современным правительством, в составе которого крайние элементы берут верх и разнужданность приобретает права гражданства». Алексеев совершенно верно уяснил себе, что Родзянко вынужден изменять позицию оттого, что мнение Совета становится важнейшим фактором. Однако Алексеев не знал, что позиция председателя определялась прежде всего стремлением удержать власть в своих руках²¹⁸.

²¹⁵ Там же. С. 25–27.

²¹⁶ Там же. С. 27–29.

²¹⁷ Там же. С. 19.

²¹⁸ Там же. С. 32–33.

В то время как Родзянко и Львов ожидали точного текста манифеста об отречении, Керенский сделал предложение Милюкову о введении республики. «Керенский судорожно схватил кисть моей руки, — вспоминал Милюков, — и напряженно ждал моего ответа». Милюков раздраженно отбросил бумажку, на которой карандашом было написано предложение о введении республики. «Керенский грубо оттолкнул руку Милюкова»²¹⁹. Милюков настолько прочно связал свою политическую судьбу с сохранением монархии, что всякие предложения слева означали для него крушение далеко идущих замыслов.

Между тем Керенский связался по телефону с великим князем Михаилом, который жил на квартире княгини Путятиной на Миллионной, 12²²⁰. Членам группы Керенского было необходимо убедить Михаила в том, что он взойдет не на престол, а на эшафот. Сделать это было не так уж трудно. Никакими собственными ресурсами для того, чтобы удержаться у власти, Михаил не обладал. Ему предстояло выбрать, что выгодней: вступить немедленно на престол и тут же его потерять либо же оставить за собой потенциальную возможность воцарения в дальнейшем, если обстоятельства позволят это сделать.

Как «ломали» Михаила

Лично Михаил был связан с Родзянко. 2 марта Родзянко писал ему о том, чтобы он спрятался и не предпринимал никаких шагов. «Вам не избежать регентства», — заверял Родзянко²²¹. Теперь же Родзянко, чей голос по-прежнему оставался авторитетным для великого князя, резко переменял позицию, осуществив разворот на 180 градусов.

Утром Временное правительство собралось на квартире Путятиной. Интересен вопрос Чрезвычайной следственной комиссии Гучкову о том, были ли на квартире Михаила Александровича военные. То есть следствие допускало, что на Михаила оказывалось «силовое давление». Гучков ответил, что были какие-то адъютанты, но они находились в соседней комнате²²². Члены первого общественного кабинета вместе с Родзянко собрались, чтобы решить вопрос о том, как сделать этот кабинет всемогущим, то есть наделенным всей полнотой власти, которая теперь даже юридически была исторгнута из рук Николая. И именно с этой точки зрения решался вопрос о том, как поступить Михаилу: принять престол или отказаться от него. «Бонапартемок» Керенский и его группа, заручившись поддержкой Родзянко, запугивали Михаила теми опасностями, которые ему грозят, если он осмелится заявить о своем воцарении.

Вначале выступил Родзянко, призвав Михаила отказаться. В том же духе говорил Керенский. Затем выступал Милюков, но его заявления о том, что без монарха Временное правительство не сможет довести страну до Учредительного собрания, конечно, никого не могли убедить. Потом пролился целый поток речей за отказ от престола. Но это было неожиданным для Михаила, который поразился единодушию его оппонентов всех политических мастей. Милюков выступил вторично — и опять с таким же результатом²²³.

²¹⁹ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 468.

²²⁰ КА. 1927. № 3. С. 200.

²²¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г... С. 61.

²²² Падение царского режима... Т. VI. С. 273.

²²³ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 468–470.

Между тем Гучков и Шульгин прибыли в Петроград. Каким-то не совсем понятным образом Гучков поехал не в Думу, а отправился в железнодорожные мастерские при вокзале на митинг. Там он, по словам Милюкова, «едва избежал побоев и убийств». Согласно Бубликову, рабочие хотели Гучкова «линчевать», но его «личный агент» спас оратора. Что привело Гучкова, так спешившего в Петроград, в мастерские, неясно. Все предшествовавшие дни он всячески избегал ораторствовать на митингах. Хотел ли Гучков опередить своих оппонентов, огласив привезенное решение, сказать довольно трудно. Но Гучков совсем не был похож на человека, который стал бы просить поддержки у рабочих. Скорее всего, вынужденное появление Гучкова в железнодорожных мастерских было провокацией Министерства путей сообщения, стремившегося по не совсем ясным причинам задержать Гучкова. Самое любопытное, что в тот момент акта отречения у Гучкова не было. Документ об отречении оказался в руках члена Думы Ю.М. Лебедева, который ранее был в Луге. А потом, если верить Ломоносову, документ спрятали в Министерстве путей сообщения в кабинете А.А. Бубликова. Здесь с манифеста сняли копию. Примечательно, что оригинал «акта», текст которого печатали в типографии Министерства путей сообщения специально задержанные Бубликовым рабочие, предпочли не показывать²²⁴.

Образец казуистики

Когда Гучков и Шульгин прибыли на квартиру Пулятиной, совещание Временного правительства с Михаилом продолжалось. Гучков был единственным, чья позиция была близка к позиции Михаила. Милюков потом вспоминал, что Гучков защищал его точку зрения, «но слабо и вяло». В Чрезвычайной следственной комиссии Гучков показывал: оппоненты Милюкова настаивали на том, что при воцарении Михаилу в настоящих условиях не удастся установить конституционную монархию. Тогда Гучков внес примирительное предложение, чтобы Михаил принял престол условно: не как государь, а как регент. Это позволило бы довести страну до Учредительного собрания, которое выскажется относительно формы правления и лица, которому будет вручен престол, если монархия сохранится. На это ему возражали, что государственное право не знает формы регентства без носителя верховной власти. Гучков пытался убедить всех, что такая комбинация предохранит Россию от анархии и внесет «примирение в общественное настроение». Успокоение должен вызвать тот факт, что человек, имеющий все права на престол, тем не менее от них отказывается и соглашается на «примирительную форму временного управления — регентство»²²⁵.

Михаил вышел в другую комнату посоветоваться с глазу на глаз с Родзянко и Львовым. Затем возвратился и объявил о том, что отказывается принять престол до решения Учредительного собрания. Керенский не смог скрыть своего восторга, хотя обычно подлинные чувства умел не обнаруживать. Милюков и Гучков заявили, что не могут войти в правительство. Но к вечеру оба передумали²²⁶.

Теперь оставалось лишь юридически оформить то, что было решено. Для этого на квартиру вызвали профессиональных юристов В.Д. Набокова и Б.Э. Нольде. В составлении акта о неприятии Михаилом престола принимали участие В.В. Шульгин и Н.В. Некрасов. Последний составил черновик, который был отвергнут. Окончательный вариант, написанный Набоковым и Нольде, представлял собой шедевр

²²⁴ Отречение... С. 213–215.

²²⁵ Падение царского режима... Т. VI. С. 266–267.

²²⁶ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 470.

Ложь и правда об отречении Николая II

юридической казуистики²²⁷. Документ нарекли потом актом об отказе от престола. Но по сути дела актом он не был, так как не были соблюдены юридические формальности, необходимые для документа такого рода. А не соблюдены они были потому, что если бы Набоков и Нольде стали придавать документу законный вид, то сразу же возник бы юридический тупик: великий князь не мог отречься от того, что не могло быть ему передано. Но для составителей главное заключалось в том, чтобы, не прерывая монархической традиции, устами представителя правящей династии передать всю власть первому общественному кабинету, сообщив одновременно о предстоящем созыве Учредительного собрания. Этот документ не предreshал вопроса о будущей форме правления, но допускал возможность, что это будет монархия. Тем самым, благодаря такой юридической неопределенности, можно было рассчитывать на одобрение и монархистов, и республиканцев.

«Вся полнота власти»

Никакой свободы выбора у Михаила, конечно же, не было. Сама редакция документа свидетельствует о том, что он всецело отвечал далеко идущим замыслам Керенского и его группы. «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, — высокопарно объявлял Михаил, — если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые Основные законы государства российского». Но все это предполагалось лишь в будущем, еще довольно неопределенном. Пока же, на сегодняшний день: «Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно краткий срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»²²⁸.

Суть этого документа заключалась в том, что он провозглашал всевластие Временного правительства. Если бы члены первого общественного кабинета сами провозгласили, что Временное правительство облечается «всею полнотою власти», то это выглядело бы как возмутительная узурпация. Но это провозглашалось устами представителя династии. Самодержавная власть, в полном объеме перешедшая благодаря отречению Николая к Михаилу, теперь переуступалась кабинету, возникшему опять же не самозванно, а по почину Государственной думы. На него призывалось устами представителя династии Божие благословение. Без пяти минут император призывал всех граждан России подчиниться Временному правительству.

Невольно как-то напрашивается вопрос о том, не предполагалась ли эта комбинация уже тогда, когда Гучкова и Шульгина пропустили через Лугу в Псков с новой формулой отречения Николая? Ведь Михаил мог передать всю власть Временному правительству, а малолетний Алексей сделать этого был не в состоянии. Похоже, никто всерьез и не думал о воцарении Михаила. Гучков же полагал, что правительству какое-то время, пока оно не встанет на ноги, нужен будет формальный опекун в виде регента без носителя верховной власти. Но Керенскому и К^о не нужен был никакой опекун. Гучков понял, что его обвели вокруг пальца, и встал в позу, но это была буря в стакане воды. Обвели вокруг пальца и Родзянко, который еще утром 3 марта, до

²²⁷ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991 (репринт). С. 20—21.

²²⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

совещания на квартире Михаила, думал, что первый общественный кабинет будет просто-напросто вписан в прежнюю организацию государственной власти, только место государя займет Временный комитет под председательством Родзянко. Горькое разочарование должно было постичь Михаила Владимировича после того, как он, уговорив великого князя Михаила не принимать власть, вырвал из-под себя председательский стул: передав всю полноту власти Временному правительству, великий князь по сути дела уничтожил Государственную думу и Государственный совет.

По словам А.А. Бубликова, вскоре «была создана теория, по которой вся государственная власть в России преемственно сосредоточилась в руках Временного правительства и Государственная дума, как таковая, даже и собираться не имеет права»²²⁹.

В архиве Министерства иностранных дел сохранился прелюбопытнейший документ — черновик журнала первого заседания Временного правительства. Одни историки считают этот документ апокрифом, другие признают его подлинность. В нем говорится:

«Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться правительство до установления Учредительным собранием формы правления <...> равным образом, как и о взаимоотношениях к Временному комитету Государственной думы. По этому поводу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшей монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва <...> После произошедшего государственного переворота Основные законы Российского государства должны считаться недействительными, и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»²³⁰.

Про этот журнал можно сказать словами итальянской пословицы: «Если он не подлинный, то, по крайней мере, хорошо выдуман». А еще вчера лидеры оппозиции так негодовали на то, что правительство Николая ни перед кем, кроме него, не ответственно!

Образование первого общественного кабинета было отпраздновано 101 пушечным выстрелом с Петропавловской крепости.

Первыми Временное правительство признали петербургские банки.

Таким образом, отречение Николая II от престола положило начало процессу крушения монархии. Но рухнувшее под ударами революции самодержавие не было заменено правильными формами народного представительства. Созданное на обломках монархии Временное правительство больше походило на отрицание всякого парламентаризма, нежели на воплощение конституционной идеи, за которую формально вели борьбу лидеры оппозиции. В конечном итоге это облегчило приход к власти большевиков в октябре 1917 г.

²²⁹ Бубликов А.А. Русская революция... С. 42.

²³⁰ Сторожев В.Н. Февральская революция 1917 г...